

Сравнение внешней политики Ирана и Турции на Южном Кавказе и в Западной Азии: анализ с точки зрения регионализма¹

Доктор Эхсан Мовахедиан²

Аннотация

Регион Южного Кавказа и Западной Азии представляет собой арену конкуренции между двумя региональными державами – Ираном и Турцией, придерживающимися различных внешнеполитических подходов. Используя теоретические рамки регионализма в рамках конструктивистской теории, данная статья стремится ответить на вопрос: в чем заключается разница между внешнеполитическими подходами Ирана и Турции в этих двух регионах? Результаты исследования, основанные на интервью с рядом иранских экспертов по турецким исследованиям, показывают, что внешняя политика Ирана базируется на эндогенном, сдерживающем, балансирующем и ориентированном на стабильность регионализме, укорененном в общей цивилизационной идентичности и культурно-религиозных связях со странами обоих регионов. В отличие от этого, внешняя политика Турции, основанная на трансрегионализме и союзнических отношениях с Соединенными Штатами, Соединенным Королевством и НАТО, реализует экзогенный, агрессивный, сдерживающий и дестабилизирующий подход. Цель Турции – сдерживать иранскую идентичность и геополитическое влияние путем продвижения таких проектов, как «Туранский коридор НАТО», суннитизация шиитских общин, формирование туранской идентичности, создание транзитного и оборонительного окружения вокруг Ирана, а также подрыв его роли в Сирии и Ливане. Однако, несмотря на координацию действий с США, Анкара воздерживается от стремления к распаду Ирана, опасаясь, что курды и Израиль могут использовать эту ситуацию против самой Турции. Опираясь на взгляды видных иранских экспертов, данное исследование анализирует соперничество и сотрудничество между двумя странами в 9 областях, включая политику на Кавказе, религию, идентичность, НАТО, иранских азербайджанцев, Сирию, потенциальную войну, курдский вопрос и экономические коридоры. В заключение делается вывод, что основанный на идентичности регионализм Ирана, в отличие от гегемонистского трансрегионализма Турции, привел к биполяризации архитектуры безопасности и геополитики как Южного Кавказа, так и Западной Азии.

Ключевые слова: Иран, Турция, Южный Кавказ, Западная Азия, регионализм, конструктивизм, Туранский коридор НАТО.

1. Введение

Распад Советского Союза, а также события, начавшиеся в 2010-х гг., превратили Южный Кавказ и Западную Азию в динамичную арену соперничества и взаимодействия двух исторических держав – Ирана и Турции. Иран, опираясь на многовековые цивилизационные, языковые, идентичностные и религиозные связи со своими соседями на Южном Кавказе и в Западной Азии, и Турция, использующая дискурс неоосманизма и пантюркизма, стремятся играть значимую роль и укреплять свое влияние в этих двух регионах. Фундаментальный вопрос заключается в следующем: каковы существенные

¹ Оригинальная версия статьи (на англ.) была опубликована на нашем сайте 15.06.2026.

² Доктор Эхсан Мовахедиан – известный иранский ученый в области международных отношений, преподаватель Университета имени Алламе Табатабаи (УТА) в Тегеране, где он специализируется на геополитике Южного Кавказа. Получив степень доктора философии в области международных отношений в Университете имени Алламе Табатабаи, он регулярно выступает экспертом в ведущих мировых СМИ, предоставляя углубленный анализ региональной динамики, особенно во взаимоотношениях Армении, Азербайджана и Ирана. Мовахедиан выступает за мир, суверенитет и сбалансированное сотрудничество в регионе. Он критикует использование Азербайджаном ультиматумов на мирных переговорах, предупреждая, что внешнее вмешательство рискует превратить Южный Кавказ в «геополитическую площадку». Также Мовахедиан выступает против таких проектов, как «Зангезурский коридор», рассматривая их как угрозу безопасности Ирана и региональному суверенитету.

различия между этими двумя подходами и каковы их последствия для регионального порядка? Используя теоретические рамки регионализма в рамках конструктивистской теории, данная статья прослеживает указанные различия как на идентификационно-дискурсивном, так и на функционально-стратегическом уровнях. Основная гипотеза исследования состоит в том, что Иран реализует модель регионализма как эндогенный, основанный на участии процесс, базирующийся на общей культуре и идентичности со своими соседями на Южном Кавказе и в Западной Азии, тогда как Турция, используя трансрегиональный подход и союзы с внерегиональными державами, такими как США, Соединенное Королевство (СК) и государства-члены НАТО, стремится создать турецко-суннитский гегемонистский блок и проводить политику сдерживания Ирана.

2. Теоретическая основа: регионализм с позиций конструктивизма – от социального конструирования идентичности к моделям конкуренции

Для глубокого понимания различий во внешнеполитических подходах Ирана и Турции на Южном Кавказе и в Западной Азии необходима аналитическая основа, выходящая за рамки чисто материального и геополитического редукционизма и проникающая в более глубокие слои идентичности и смысла, определяющих поведение государств. Основные классические теории международных отношений при анализе феномена региона и регионализма в значительной степени опирались на материальные основы и инструментальную рациональность. В реалистической традиции регион рассматривается как заданное географическое пространство, в рамках которого государства конкурируют за власть и относительную безопасность, а полярная структура, управляющая международной системой, формирует их поведение. С этой точки зрения регион – не что иное, как отражение материальной структуры распределения власти. С другой стороны, либеральные и неолиберальные институционалистские теории, хотя и более оптимистично оценивают возможности сотрудничества, также в основном рассматривают регион как географическое пространство, формирующееся посредством экономических взаимодействий, торговой взаимозависимости и функционального институционального строительства. Для либералов «регионализация» является результатом распространения технико-экономического сотрудничества и рационального выбора государств, стремящихся к максимизации абсолютных выгод. Общим для обеих парадигм является игнорирование основанного на идентичности исторического и смыслового содержания, которое формирует представления участников о регионе и определяет их практики взаимодействия (Dehghani Firoozabadi, 1998, p. 569).

Напротив, конструктивизм как теоретический подход предлагает новый взгляд на понимание региона, осуществляя онтологический и эпистемологический сдвиг. Подчеркивая принцип «социального конструирования реальности», конструктивизм смещает фокус анализа с исключительно материальных структур на семантические и нормативные структуры. С этой точки зрения социальные и политические реалии, включая «регион», не являются естественными или предопределенными, а представляют собой «социальные конструкторы», создаваемые и воспроизводимые посредством непрерывного взаимодействия акторов на основе общих межсубъективных смыслов, идентичностей и ментальных образов. Следовательно, регион – это не просто набор

соседних стран на карте, а пространство, где государства и нации считают себя частью коллективного «мы». Они рассматривают свои судьбы как взаимосвязанные и усваивают региональную идентичность посредством социализации (Вендт, 2022).

Адлер и Барнетт (1998) в своей теории «*сообщества безопасности*» показывают, как политические сообщества, формируя коллективную идентичность, взаимное доверие и определяя общие интересы, строят мирный и стабильный регион, в котором применение силы для разрешения споров становится невыносимым. В таком процессе «*конвергенция идентичности*» и «*дискурсивная взаимозависимость*» регионов гораздо важнее, чем просто физическая близость или экономические обмены. Иными словами, регионы — это «*воображаемые сообщества*», члены которых разделяют общее самосознание принадлежности к единому целому, даже если это целое политически разделено на независимые единицы. Например, чувство принадлежности к «*исламскому миру*», «*иранской цивилизационной сфере*» или «*тюркскому миру*» представляет собой конструкты идентичности, которые могут стать основой для политических действий и регионализма.

На основе данной теоретической базы можно сформулировать две различные идеальные модели регионализма, каждая из которых может быть идентифицирована по своей природе, источникам легитимности, средствам продвижения внешней политики и последствиям для безопасности.

2-1. Первая модель: эндогенный регионализм

Данная модель возникает, когда регион формируется на основе глубоких и подлинных культурных, цивилизационных, исторических связей и идентичности его обществ. В этом случае движущей силой конвергенции между странами является не навязывание требований гегемонистской державы, а скорее существование естественных «*способствующих факторов*» для проявления инициативы и формирования сообщества единомышленников и союзников. Эндогенный регионализм возникает из общности языка, религии, ритуалов и общего исторического опыта. Именно поэтому он обладает высокой степенью принятия и легитимности как среди региональных элит, так и среди широкой общественности. Этот тип регионализма по своей природе является сдерживающим, балансирующим и ориентированным на стабильность.

- Сдерживающий характер проявляется в том, что укрепляя внутренний потенциал региона и коллективные связи между его участниками, он предотвращает проникновение и деструктивное вмешательство внерегиональных держав и обеспечивает безопасность, которая рассматривается как общее региональное благо.

- Балансирующий характер заключается в том, что принимая во внимание разнообразие и множественность участников в рамках общей идентичности, он стремится естественным образом создать баланс сил между участниками, предотвратить возникновение односторонней гегемонии и укрепить многосторонние механизмы взаимодействия.

- Ориентация на стабильность выражается в сохранении существующего геополитического порядка (*status quo*), уважении международно признанных границ и

национального суверенитета государств, а также в предпочтении мирных и постепенных изменений. Данная модель рассматривает стабильный порядок как результат сближения идентичностей и взаимного доверия, а не как следствие баланса террора или исключительно экономической зависимости.

2-2. Вторая модель: навязанный или гегемонистский трансрегионализм

В отличие от предыдущей модели, навязанный или гегемонистский трансрегионализм возникает в тех случаях, когда региональная держава либо коалиция внерегиональных держав, не обладающих устойчивыми идентичностными связями с обществами региона, стремится сформировать региональный порядок, основанный на собственной идентичности и интересах. Для этого используются как инструменты материального превосходства (военная и экономическая мощь), так и механизмы мягкого воздействия (СМИ, образование, религия). Данная модель способствует развитию «регионализации» не как спонтанного и естественного процесса, а как нисходящего «политического проекта», часто осуществляемого посредством союзов с силами, находящимися за пределами региона (Jamshidi, 2007, p. 791). Результатом становится конструирование искусственной, ложной или искаженной идентичности (например, концепция «*Туран*» в отличие от «*Иран*»), которой не хватает глубоких корней в историческом самосознании обществ региона. Данная модель характеризуется агрессивным, контрбалансирующим и дестабилизирующим подходом.

- Агрессивный характер модели проявляется в том, что для укрепления навязанной ею идентичности и интересов она прибегает к военной интервенции, изменению границ, демографической инженерии, манипулированию идентичностью и созданию принудительных транспортно-коммуникационных коридоров.

- Контрбалансирующий характер данной модели заключается в стремлении устранить или сдержать соперников (особенно тех, которые имеют естественные связи с регионом) и создать благоприятный для себя однополярный гегемонистский порядок вместо поддержания регионального баланса.

- Дестабилизирующий характер модели проявляется в том, что усиливая противоречия между различными группами населения и этническими меньшинствами, создавая искусственные расколы идентичности, поддерживая экстремистские группы и нарушая национальный суверенитет государств, она разрушает прежнюю стабильную архитектуру безопасности и погружает регион в цикл нестабильности и непрекращающихся конфликтов. Причина такой нестабильности заключается в том, что навязанная идентичность постоянно сталкивается с сопротивлением со стороны целевых обществ и требует непрерывного применения силы и репрессий для своего выживания. В результате формируется «хрупкий порядок, покоящийся на активных линиях разлома идентичности», который может рухнуть в любой момент.

В рамках данной статьи утверждается, что две описанные выше модели позволяют объяснить суть различий во внешнеполитических подходах Ирана и Турции на Южном Кавказе и в Западной Азии. Внешняя политика Ирана в рассматриваемом географическом регионе близка к модели эндогенного регионализма. Благодаря глубоким цивилизационным, языковым и религиозным общностям с жителями

Западной Азии и Южного Кавказа, ИРИ рассматривает данный регион как свою естественную цивилизационную сферу и располагает благоприятными, естественными и неинтервенционистскими факторами для создания конвергенции. Его подход основан на поддержании стабильности, уважении суверенитета и существующих границ, а также на сдерживании деструктивного внерегионального влияния. Напротив, внешняя политика Турции тяготеет к модели навязанного трансрегионализма. Анкара, сосредоточенная на дискурсе неоосманизма и пантюркизма и находящаяся в стратегическом союзе с США, СК и НАТО, стремится формировать «Тюркский мир» как регион, находящийся под собственной гегемонией. Данный проект, призванный противостоять естественному влиянию Ирана и вызвать его геополитическое удушение, по своей сути является дестабилизирующим и порождающим кризисы из-за игнорирования отсутствия подлинных общих черт, основанных на идентичности, и опоры на агрессивные инструменты воздействия. Предложенная теоретическая основа служит базой для дальнейшего анализа и позволяет последовательно сравнить политику двух государств в различных предметных областях.

2-3. Внешняя политика Ирана: эндогенный, сдерживающий и ориентированный на стабильность регионализм

Благодаря глубоким историческим, цивилизационным, языковым и религиозным связям с жителями Западной Азии и Южного Кавказа, Иран определяет регион не как искусственную сферу влияния, а как собственное цивилизационное пространство. Эти общие черты, основанные на идентичности – от курдов и лоров до персов и азербайджанцев, а также шиитов региона – создают благоприятную почву для политики конвергенции и формирования блока государств-единомышленников (Masoumi, 2022). Осознавая этот потенциал, Иран действует с применением сдерживающего и балансирующего подхода: с одной стороны, укрепляя «Ось сопротивления» и поддерживая союзные государства и движения, он ограничивает внерегиональное влияние и угрозы безопасности; с другой стороны, последовательно подчеркивает необходимость сохранения стабильности границ, уважения национального суверенитета и мирного разрешения споров (Jafari & Darabi, 2022, pp. 54-59). На Кавказе Тегеран выступает против любых геополитических изменений границ или навязывания коридоров, которые могли бы привести к его окружению или ослаблению, и предлагает многосторонние инициативы, такие как «3+3», для управления региональными кризисами. Подобный подход представляет собой эндогенный регионализм, направленный на стабилизацию и предотвращение влияния внерегиональных акторов.

2-4. Внешняя политика Турции: агрессивный и дестабилизирующий трансрегионализм

В противоположность этому Турция, действуя в рамках риторики неоосманизма и пантюркизма и в союзе с США, СК и НАТО, придерживается модели трансрегионализма. Этот подход переосмысливает регион как пространство для восстановления исторического престижа и установления турецкой гегемонии (Naghizadeh & Khalil Tahmasebi, 2022, pp. 272-279). Он носит агрессивный характер, поскольку предполагает формирование «Тюркского мира» посредством создания принудительных коридоров и осуществления

военных интервенций на Южном Кавказе, в Сирии, Ираке и Ливии. Его контрбалансирующая составляющая проявляется в стремлении сдержать культурное, экономическое, политическое влияние Ирана, а также его роль в сфере региональной безопасности. Дестабилизирующий характер данного подхода выражается в том, что изменение демографического состава, манипулирование идентичностью, разжигание этнических конфликтов и поддержка экстремистских группировок, таких как ИГИЛ, подрывают архитектуру безопасности региона (Ahmadi, 2009, pp. 3-9).

Политика Турции дополняет западную стратегию «геополитического удушения» Ирана. Анкара оказывает давление на Иран, блокируя транзитные пути на севере, северо-западе и западе страны и создавая угрозы безопасности, тем самым стремясь снизить устойчивость Ирана и утвердиться в качестве гегемона региона. Однако, несмотря на координацию действий с Вашингтоном, Анкара воздерживается от поддержки распада Ирана, опасаясь, что курды и Израиль могут использовать крах Ирана для реализации собственных целей, что способно создать угрозы и для самой Турции (Roushani & Mossaedegh, 2021, p. 127).

Далее, согласно оценкам иранских экспертов, масштабы данного соперничества анализируются в 9 ключевых областях.

3-1. Внешняя политика Ирана и Турции на Кавказе: «Туранский коридор НАТО» против геополитической устойчивости

Регион Южного Кавказа, особенно после Второй Карабахской войны 2020 года, стал наиболее очевидной ареной конфронтации между Ираном и его моделью «эндогенного регионализма», с одной стороны, и турецким «навязанным трансрегионализмом» – с другой. Эта война, завершившаяся победой Баку благодаря полной военной, консультативной и политической поддержке со стороны Турции, стала не просто территориальным конфликтом, а поворотным моментом в активизации давних проектов Анкары по пересмотру геополитической архитектуры региона в свою пользу и в ущерб Ирану. Используя сложившуюся ситуацию, Турция с беспрецедентной серьезностью поставила на повестку дня проект территориальной связи не только с АзР, но и со всем тюркским миром. Иранские эксперты рассматривают этот проект как «*Туранский коридор НАТО*» и называют его «*стратегической мечтой о геополитическом окружении Ирана*». В рамках данного плана создание коммуникационного коридора через территорию Армении (провинция Сюник) для физического соединения Нахиджевана с материковым Азербайджаном, а затем и с Турцией, является первым и наиболее важным шагом. Конечная цель этого проекта не просто в создании транзитного маршрута, но и в устранении прямой сухопутной границы между Ираном и Арменией, перекрытие одного из главных путей доступа Тегерана на север и Кавказ, и, в конечном итоге, территориальная связь Турции с Каспийским морем и центральноазиатскими государствами через маршрут, находящийся под контролем и влиянием Анкары и Баку (Kazemi, 2022).

Эта амбициозная идея, продвигаемая в рамках дискурса «Тюркского мира» и преследующая цель формирования тюркского цивилизационно-политического блока, является не просто проектом турецкого национализма, но и пользуется стратегической поддержкой внерегиональных держав. Иранские эксперты прямо называют эту

формирующуюся структуру «Тюркским НАТО» и утверждают, что цель создания данного блока, который явно пользуется поддержкой Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и НАТО, выходит далеко за рамки культурной и экономической конвергенции. С их точки зрения, Турция стремится создать единый военно-политический фронт вдоль северных границ Ирана. Это «Тюркское НАТО» – через укрепление военного потенциала АзР, проведение совместных учений, координацию разведывательной деятельности и безопасности, а также приглашение Армении присоединиться к этому блоку – направлено на завершение геополитического окружения Ирана с севера. Попытки вовлечения Таджикистана – персоязычного государства, исторически связанного с Тегераном, – в орбиту влияния этой организации демонстрируют стремление Турции проникнуть вглубь цивилизационного пространства Ирана и переформатировать его идентичность в пользу «Тюркского мира». Иранские эксперты считают эту политику продолжением стратегии «геополитического удушения Ирана», разработанной в полной координации с Вашингтоном для блокирования транзитных маршрутов Ирана на северном, северо-западном и западном направлениях.

Однако навязанный Турцией трансрегионализм также сталкивается с внутренними проблемами и сопротивлением, которые выявляют его искусственный и хрупкий характер. Наиболее ярким примером служит осторожная позиция Казахстана – самого влиятельного и экономически мощного центральноазиатского участника Организации тюркских государств. Вопреки ожиданиям Турции, Казахстан не стремится к чрезмерной секьюритизации и политизации данной организации и рассматривает ее функции преимущественно в рамках культурно-экономического сотрудничества. С точки зрения Казахстана, продолжение интервенционистских и антииранских подходов Турции может поставить под угрозу сбалансированные и жизненно важные отношения Астаны с Москвой, Пекином и Тегераном, а также превратить регион в новый очаг напряженности. Подобный разрыв в подходах выявляет слабость навязанной Турцией трансрегиональной модели: отсутствие естественных общих черт, основанных на идентичности, а также общих интересов делает этот навязанный порядок хрупким, нестабильным и зависимым от воли внерегиональных акторов.

В отличие от этого агрессивного проекта, политика Ирана на Кавказе, основанная на модели эндогенного регионализма, опирается на 3 принципа: геополитическую устойчивость, уважение национального суверенитета государств и создание мирных транзитных маршрутов. Такой подход можно назвать «оборонительным регионализмом». В рамках этой политики Иран, рассматривая угрозы за пределами региона, сосредотачивает свое внимание на сдерживании и балансировании. Вместо продвижения альтернативных гегемонистских или транснациональных проектов, Тегеран считает любой навязанный коридор, нарушающий национальный суверенитет Армении и ограничивающий доступ Ирана в Европу и Азию, «недопустимой стратегической красной линией». Поэтому Тегеран рассматривает т. н. «Зангезурский коридор» не как обычный транзитный маршрут, а как часть комплексного плана по перерезанию жизненно важных геоэкономических артерий Ирана и завершению его окружения на севере. Соответственно, подчеркивая суверенное право Армении контролировать собственные коммуникационные пути, Иран выдвинул альтернативные

инициативы – такие как проект «*Перекресток мира*» – и активно использует формат «3+3» для урегулирования региональных кризисов. Некоторые иранские эксперты определяют политику Турции как часть западной стратегии «*геополитического удушения*» Ирана и характеризуют контрстратегию ИРИ как «*геополитическую устойчивость*» – стратегию, направленную на сохранение существующего *status quo* границ, предотвращение создания принудительных коридоров и укрепление альтернативных коридоров, включая коридор «Север-Юг» с центром в Иране.

В более глубоких слоях этого соперничества решающую роль играет фактор идентичности. Некоторые иранские эксперты утверждают, что проект «*Туранский коридор*» представляет собой не просто транспортный маршрут, а основу для «*искусственного конструирования идентичности*». По их мнению, этот коридор призван реализовать политическую концепцию «*Туран*», противопоставляемую цивилизационной концепции «*Иран*», посредством физического соединения тюркоязычных территорий. Такое конструирование идентичности, включающее присвоение иранских символов и исторических деятелей (как будет показано в Разделе 3-3), а также попытки исказить истинную историю региона, связанную с Ираном, направлено на маргинализацию культурно-цивилизационного присутствия Ирана на Кавказе и в Центральной Азии и последующую его замену турецко-туранским нарративом. В условиях этой агрессивной волны Иран продвигает свой эндогенный регионализм, подчеркивая «*подлинные цивилизационные, идентичностные, языковые и религиозные общности*» с соседними государствами. В качестве альтернативы этому навязанному проекту акцент делается на общих элементах культурного наследия, таких как праздник Новруз, персидское литературное наследие и опыт исторического сосуществования. Таким образом, противостояние на Кавказе – это не только вопрос трубопроводов и коридоров, но и конкуренция двух нарративов идентичности и двух моделей регионализма: иранской модели эндогенного регионализма и мирной «*геополитической устойчивости*», с одной стороны, и турецкой модели трансрегионализма и экзогенного, дестабилизирующего влияния «*Туранского коридора*» – с другой.

3-2. Суннитизация и ваххабизация в противовес иранскому шиизму: манипулирование религией как инструмент трансрегионализма

Одним из наиболее сложных и в то же время разрушительных аспектов трансрегионализма, навязанного Турцией на Южном Кавказе и в Западной Азии, является инструментальное использование религии для подрыва исторического и цивилизационного влияния Ирана. Эта стратегия, которую можно охарактеризовать как «*религиозные манипуляции*», реализуется на двух взаимодополняющих, но различных уровнях. На первом уровне происходит «*суннитизация*» и «*ваххабизация*» несуннитских мусульманских общин, особенно шиитских общин в АзР. На втором уровне – «*создание и продвижение модели неиранского и антииранского шиизма*». Эта политика по своей сути совпадает с идеологией Анкары и Баку и противопоставляется иранскому шиизму и религиозной власти, сосредоточенной в городе Кум. Фактически данная стратегия не является подлинным религиозным актом, а политическим проектом в сфере безопасности, реализуемым в рамках грандиозной стратегии

«геополитического удушения Ирана» и в продолжение исторической традиции неосманизма (Rafie & Mazloumi, 2012, pp. 88-89).

Чтобы понять всю глубину этой политики, ее необходимо анализировать в историческом контексте. По мнению иранских экспертов, религиозная политика Турции на Кавказе является прямым продолжением османской стратегии «восстановления суннизма». Османы, всегда считавшие себя знаменосцами исламского мира и халифами мусульман всего мира, использовали религию как инструмент для внесения расколов в шиитских общинах и их вовлечения в сферу влияния Стамбула в ходе соперничества с Сефевидским Ираном. Партия справедливости и развития (ПСР) под руководством Р. Т. Эрдогана, переосмысливая свою турецко-исламскую идентичность в рамках неосманизма и политики в стиле «Братьев-мусульман», возродила эту историческую стратегию и, используя современные образовательные, медийные и экономические институты, стремится продвигать учения «Братства суннитов» или, по меньшей мере, дистанцировать мусульман, живущих на Кавказе, а также в Ираке, Сирии, Палестине и Ливане, от иранского шиизма. Некоторые иранские эксперты называют такой подход «скрытой ваххабизацией» и считают, что Анкара в сотрудничестве с некоторыми салафитскими и ваххабитскими учреждениями, поддерживаемыми в том числе Саудовской Аравией, постепенно внедряет салафитско-ваххабитские учения в шиитские общины соседних стран. Данный процесс, популяризируя ценности, обычаи и ритуалы «Салафитского братства», закладывает основу для эмоционального и интеллектуального отчуждения этих общин от иранского шиизма и их сближения с турецко-салафитским исламом.

Второе измерение этого проекта, возможно, более сложное и опасное, – это попытка создания «новой модели шиизма», чей интеллектуальный, политический и даже юридический авторитет определяется не в Куме и Наджафе, а в Баку и Анкаре. Создание современных религиозных и образовательных учреждений в Азербайджане, Ираке и Сирии свидетельствует о том, что Турция и АзР воспитывают поколение шиитских священнослужителей и элиты, транслирующих националистические и турецкие нарративы о шиизме. В рамках этой концепции турецкая национальная идентичность преобладает над транснациональной шиитской идентичностью, а Иран представлен как «чужой» или даже «исторический враг». Этот «турецкий шиизм» явно формируется в противовес «иранскому шиизму» и «Оси сопротивления» в Ираке, Ливане, Палестине и Сирии. Конечная цель такой политики – разорвать органическую и давнюю связь шиитов Кавказа и Западной Азии с религиозными институтами и политико-правовыми учениями шиизма в Иране и вовлечь их в политическую и культурную орбиту оси Анкара–Баку. Иными словами, авторы проекта стремятся «национализировать религию» и адаптировать ее для политического проекта «Тюркского мира», лишив иранскую шиитскую власть способности влиять на соседние страны. Турция реализует этот проект в различных странах, используя идентичность и близкие ей этнические группы. Например, в Ираке, делая ставку на туркоманское шиитское население, Анкара пытается дистанцировать его от шиизма иранского образца.

Однако этот проект религиозного манипулирования не ограничивается соседними с Ираном странами; он также осуществляется в самих азербайджанских провинциях

Ирана с целью содействия расколу и федерализму. По мнению иранских экспертов, конечная цель этой политики – экспорт новой модели идентичности и религии в азербайджанонаселенные регионы ИРИ, включая Тебриз, Ардебиль, Урмию и Зенджан. Инвестируя в некоторые экстремистские этнические круги внутри Ирана, Анкара пытается, во-первых, ослабить чувство принадлежности иранских азербайджанцев к шиитской вере и иранской национальной идентичности, провоцируя среди них *«религиозные и основанные на идентичности расхождения»*. Во-вторых, предлагая альтернативный вариант суннитской идентичности *«Турецкого братства»*, Турция стремится создать почву для выдвижения этнических и политических требований внутри Ирана в собственных интересах. За последние 20 лет религиозная и идентитарная экспансия Турции в азербайджанские провинции ИРИ привела к выстраиванию разветвленных образовательных, медийных и финансовых каналов влияния Анкары, действующих не только в азербайджанонаселенных, но и в других регионах страны. Подобная деятельность закладывает фундамент для популяризации концепций федерализма, детальный анализ которых представлен в Разделе 3-5.

В отличие от этого агрессивного и дестабилизирующего проекта, религиозная политика Ирана полностью опирается на модель эндогенного регионализма (религиозное сосуществование против искусственного навязывания идентичности). Опираясь на давнюю традицию сосуществования различных религий и сект на своей территории и регионе в целом, Иран никогда не стремился навязывать религиозные догмы или создавать искусственные течения для достижения политических целей. Религиозное влияние Ирана на Кавказе и в Западной Азии, имеющее глубокие исторические и естественные корни, осуществляется в основном посредством культурной дипломатии, религиозных семинарий (Хоуза), подготовки духовенства и мягкого распространения дискурса Исламской революции. Таким образом, мягкая сила Ирана в регионе проистекает не из проектов религиозного манипулирования, а является естественным продуктом давних цивилизационных и религиозных общностей. Именно поэтому она обладает большей глубиной и устойчивостью по сравнению с искусственными и навязанными проектами Турции. Это принципиальное различие наглядно иллюстрирует противостояние двух моделей регионализма: иранского эндогенного регионализма, основанного на признании плюрализма и укреплении подлинной идентичности и религиозных общностей, и навязанного Турцией трансрегионализма, который посредством манипуляций и фальсификации подлинной идентичности и религии населения региона стремится сформировать единый и гегемонистский блок в ущерб своему главному сопернику и историческому *«чужому»* – Ирану.

3-3. Трансформация концепции «Иран» в «Туран»: инженерия идентичности как инструмент подрыва иранской национальной идентичности и культурного влияния

Если политика Турции в отношении Кавказа (Раздел 3-1) представляет собой жесткое геополитическое измерение навязанного Анкарой трансрегионализма, а религиозные манипуляции (Раздел 3-2) отражают ее «полужесткое» социально-безопасное измерение, то проект трансформации концепции *«Иран»* в *«Туран»*

можно рассматривать как ядро турецкой стратегии «мягкой силы» и психологических операций на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Основанный на псевдонаучных теориях пантюркизма, возникших в начале XX века, этот проект использует широкий спектр медийных, образовательных, кинематографических и литературных инструментов для коренного переписывания истории, цивилизационного кода и региональной идентичности того географического пространства, которое на протяжении более двух тысячелетий было тесно связано с Ираном и иранско-исламской культурной традицией.

Конечная цель этой манипуляции идентичностью выходит далеко за рамки простого исторического утверждения. Она направлена на всестороннее присвоение цивилизационного достояния Ирана во всем регионе, экспроприацию его культурного и интеллектуального наследия и, в конечном итоге, на стирание понятия «Иран» из ментальных и идентификационных карт народов Кавказа, Центральной Азии и даже отдельных слоев населения самого Ирана. Подобные усилия направлены на создание идеологических и культурных основ, необходимых для консолидации более широкого «Тюркского мира» под турецким руководством. Аналогичные, хотя и менее интенсивные, инициативы можно наблюдать и в западных окрестностях Ирана, особенно в Ираке и Сирии. Этот процесс можно рассматривать как элемент более широкой стратегии геополитического сдерживания ИРИ методами «мягкой силы»: прежде чем Иран будет окружен физически, он должен подвергнуться культурному и цивилизационному окружению (Kazemi, 2010).

Наиболее наглядным проявлением этого проекта выступает присвоение и переосмысление общих региональных символов и традиций. Ярким примером служит попытка присвоить Новруз – древнейший иранский праздник и один из важнейших цивилизационных символов иранской культуры – и переосмыслить его как «*Туранский праздник*» или «*Тюркский весенний фестиваль*». Государственные СМИ Турции и АзР зачастую стремятся преуменьшить иранское происхождение Новруза и представить его как сугубо этнический тюркский праздник. Это искажение, игнорирующее многочисленные археологические, исторические и литературные свидетельства, служит вполне определенной политической цели: разорвать эмоциональную и культурную связь миллионов людей, празднующих Новруз, с иранской цивилизационной традицией, одновременно привязав праздник к искусственно сконструированной и политически мотивированной туранской идентичности. Такие действия могут быть истолкованы как форма присвоения идентичности в цивилизационном масштабе и представляют собой важную составляющую более широкой когнитивной борьбы за историческую память народов региона.

Вслед за экспроприацией традиций внимание переключается на присвоение исторических личностей и интеллектуального наследия. В этом отношении мало какие примеры столь же показательны, как попытки переосмыслить идентичность поэта Низами Гянджеви – одного из величайших поэтов-эпиков в истории персидской литературы. Исторические, лингвистические, культурные и географические данные неопровержимо подтверждают иранскую культурную идентичность Низами. Он творил исключительно на персидском языке, жил в культурной среде иранского мира, и его

произведения глубоко пронизаны сюжетами, заимствованными из доисламских иранских традиций, а также иранско-исламской интеллектуальной мысли. Нет никаких свидетельств того, что он когда-либо писал стихи на тюркских языках.

Тем не менее пантюркистские интеллектуальные и политические круги систематически стремились переосмыслить Низами как тюркского деятеля посредством организации конференций, возведения памятников, публикаций и медиапродукции. По мнению критиков этого процесса, эти усилия затронули даже оформление мавзолея Низами в Азербайджанской Республике, откуда были удалены персидские надписи, а самому поэту стали приписывать сфабрикованные тюркские стихи. Подобная практика, противоречащая устоявшимся научным и академическим стандартам, интерпретируется экспертами как часть более широкой политической попытки принизить иранскую культурную идентичность Кавказа.

Аналогичный процесс часто наблюдается в отношении Джалал ад-Дина Руми (Мевляны). Благодаря масштабным инвестициям в культурную и туристическую индустрию, сосредоточенную в Конье, Турция стремилась представить Руми прежде всего как представителя «*Турецкого суфизма*». Таким образом, в турецкий национальный нарратив включается еще один важный компонент ирано-исламской интеллектуальной традиции. Эти действия можно рассматривать как попытки присвоить ресурсы «мягкой силы» иранской цивилизации и перенести их в альтернативную систему идентичности.

Эти отдельные случаи культурной апроприации следует рассматривать в контексте более масштабного проекта, направленного на трансформацию географического и цивилизационного понятия «*Иран*» в «*Туран*». Данный проект предполагает создание воображаемой географии и искусственно сформированной коллективной идентичности. В классических иранских исторических и мифологических повествованиях под Тураном подразумевались земли за Амударьей (рекой Джейхон), населенные людьми иранского происхождения, но находившиеся вне пределов иранского правительства и не имевшие идентичности или цивилизационной связи с тюрками Центральной Азии. Однако пантюркистская идеология переосмыслила это понятие, объявив его древней прародиной всех тюркских народов и противопоставив Ирану.

Начиная с раннего XX века пантюркистские интеллектуалы создали монументальное историческое повествование, изображающее «*Туран*» как трансконтинентальную родину, простирающуюся от Балкан до Сибири, одновременно позиционируя Иран как исторического противника этого воображаемого сообщества. Сегодня эта сконструированная география служит концептуальной основой для политических и культурных представлений о «*тюркском мире*» и все чаще транслируется в учебных материалах, на официальных картах и в политическом дискурсе как в Турции, так и в Азербайджане. Данное явление можно описать как «*псевдогеографию*» – воображаемую географическую конструкцию, используемую для легитимизации политического влияния и геополитических претензий на территории, которые исторически являлись частью более широкой иранской цивилизационной сферы. Внедрение термина «*Туркестан*» в турецкие учебные материалы для описания Центральной Азии также можно истолковать в рамках данного геополитического контекста.

Внутренний аспект этого проекта по формированию идентичности сосредоточен на иранских азербайджанцах. Цель состоит в том, чтобы ослабить их связь с фундаментальными основами иранской национальной идентичности, разделяемой всеми гражданами страны. Через спутниковые телеканалы, социальные сети, лояльных местных активистов и расширенные культурно-дипломатические инициативы (включая усилия по созданию дополнительных консульских представительств в крупных городах Ирана), пантюркистские сети стремятся переосмыслить идентичность иранских азербайджанцев, которые исторически составляли неотъемлемую часть иранской нации.

Данная стратегия нацелена на продвижение альтернативной тюрко-туранской идентичности, в рамках которой иранские азербайджанцы изображаются не как составной элемент иранской истории и государственности, а как отдельная нация, якобы подверженная персидскому господству. Подчеркивая языковые различия и мобилизуя этнические настроения, этот нарратив запускает процесс расхождения идентичностей, долгосрочной целью которого выступает содействие федералистским проектам и углубление центробежных тенденций внутри Ирана. С этой точки зрения манипулирование идентичностью рассматривается как необходимое условие для любого будущего политического вызова территориальной целостности ИРИ, чем и объясняются значительные инвестиции в подобные проекты.

В ответ на эти события подход Ирана, соответствующий модели эндогенного регионализма, основывается на культурной устойчивости и укреплении подлинных исторических и цивилизационных связей между народами региона. Эту стратегию можно охарактеризовать как возвращение к цивилизационному самосознанию. Вместо конструирования конкурирующих проектов идентичности Иран делает акцент на исторической документации, научном сотрудничестве, совместных академических конференциях, поддержке объективных исследований и продвижении общей иранско-исламской культурной идентичности, укорененной в многовековом сосуществовании.

Примерами такой политики служат многонациональные празднования Новруза, увековечивание памяти таких деятелей, как Низами и Руми, в качестве творцов, внесших вклад в общее наследие человечества (а не как исключительного достояния какой-либо конкретной этнической группы), а также продвижение персидского языка и литературы как исторического *lingua franca* регионального цивилизационного пространства. Данный подход опирается на тезис о том, что подлинные исторические реалии и глубоко укоренившиеся культурные связи обладают внутренней сдерживающей силой против навязанных извне, искусственных проектов идентичности, и что нет необходимости создавать антагонистические идентичности в угоду интересам внерегиональных держав, чьи устремления зачастую расходятся с интересами народов региона.

Таким образом, эту политику можно охарактеризовать как форму «идентичностного сдерживания», в рамках которой Иран опирается на глубину своего цивилизационного наследия, чтобы противостоять влиянию внешне мотивированных транснациональных проектов, направленных на искусственное переформатирование идентичности народов региона.

В конечном итоге противоборство концепций «Иран» и «Туран» не следует рассматривать лишь как сугубо исторический, литературный или культурный спор.

Скорее, оно представляет собой один из наиболее значимых фронтов в противостоянии двух конкурирующих моделей регионализма: иранской модели, основанной на подлинности, плюрализме и сосуществовании исторически укорененных идентичностей, и турецкой транснациональной модели, которая, по мнению ее критиков, опирается на присвоение, исторический ревизионизм и продвижение сконструированной наднациональной идентичности в погоне за гегемонистскими целями и стратегическими интересами своих западных партнеров.

3-4. Роль Турции в НАТО против Ирана: военное крыло трансрегионализма для окружения Ирана в целях безопасности

Если политика Турции на Кавказе (Раздел 3-1), религиозная политика (Раздел 3-2) и политика идентичности (Раздел 3-3) представляют собой мягкие и «полужесткие» аспекты навязанного Анкарой трансрегионализма, то роль Турции в Организации Североатлантического договора (НАТО) против Ирана раскрывает жесткий, военный аспект этой стратегии. Турция, обладающая второй по численности армией в НАТО и занимающая стратегически важное географическое положение среди членов альянса, рассматривается не просто как рядовой участник этой военной коалиции, а скорее как его *«простертая рука»*. Ее задача заключается в продвижении стратегических целей Запада в регионе, напрямую связанном с национальной безопасностью Ирана. Эта роль, выступающая продолжением исторической стратегии сдерживания ИРИ и направленная на ее геополитическое удушение, реализуется, с одной стороны, с использованием собственной инфраструктуры НАТО против Тегерана, а с другой – путем попыток распространить «зонтик безопасности» альянса на Южный Кавказ и Центральную Азию, тем самым усиливая кольцо военного окружения вокруг Ирана.

Наиболее очевидным и ощутимым аспектом антииранской роли Турции в НАТО является предоставление ее территории для размещения военной и разведывательной инфраструктуры альянса, которая напрямую нацелена на безопасность ИРИ и задействовалась в ходе недавних войн США и Израиля в регионе. В этом отношении жизненно важную роль играют два стратегических объекта в Турции – авиабаза «Инджирлик» и радиолокационная база «Кюреджик». Авиабаза «Инджирлик» на юге Турции, расположенная на относительно небольшом расстоянии от границ Ирана, является не только крупным логистическим центром для американских и натовских сил, но и местом размещения тактических истребителей и части американского тактического ядерного оружия (в рамках программы НАТО по совместному использованию ядерного оружия). В случае любого масштабного конфликта «Инджирлик» может послужить одной из основных воздушных площадок баз ВВС альянса. Однако более прямой и перманентной угрозой является база «Кюреджик» в провинции Малатья на юго-востоке Турции. Эта станция, являющаяся частью интегрированной системы противовоздушной и противоракетной обороны НАТО, использует передовые радары *AN/TPY-2*, способные отслеживать ракеты, запущенные из глубин иранской территории. Обладая дальностью обнаружения целей до 3.000 километров, данный радар фактически осуществляет непрерывный мониторинг воздушного пространства Ирана, передавая жизненно важную

информацию о ракетном и космическом потенциале ИРИ в командные центры США, Израиля и НАТО. Станция является ключевым элементом в американо-израильской «региональной архитектуре сдерживания» против Ирана. Наличие подобных объектов превращает Турцию в соучастника любой западной военной авантюры против Ирана.

Второе, более амбициозное измерение роли Турции – это систематические усилия Анкары по распространению влияния и «зонтика безопасности» НАТО на Южный Кавказ и Центральную Азию. Эти регионы, расположенные непосредственно на северных и северо-восточных рубежах Ирана, исторически входили в его естественную геостратегическую сферу влияния. Иранские эксперты называют этот проект «Тюркское НАТО» и утверждают, что Турция стремится привлечь НАТО в эти регионы, преследуя две взаимодополняющие цели: во-первых, легитимизировать и создать мощную коалицию для своего гегемонистского проекта в тюркском мире; и во-вторых, завершить кольцо военного окружения Ирана с севера. В этом контексте проведение совместных военных учений со странами Кавказа и Центральной Азии под различными флагами представляет собой не просто тактические маневры, а четкий стратегический сигнал для Ирана. Подобные действия можно рассматривать как демонстрацию силы у границ ИРИ и как отработку оперативных сценариев интервенции в северном и северо-западном Иране, особенно на фоне недавних войн США и Израиля против него. Еще более важным фактором, чем маневры, выступают масштабные поставки Турцией современного вооружения АзР, доказавшего свою эффективность во Второй Карабахской войне. Это оружие – в особенности беспилотники *Bayraktar TB2*, управляемые ракеты и системы радиоэлектронной борьбы – внедрило стандарты НАТО в арсенал азербайджанской армии и значительно повысило оперативную совместимость вооруженных сил этой страны с турецкой армией и, следовательно, с НАТО. Данный процесс можно назвать постепенной «натоизацией» армии АзР, которая рассматривается Тегераном как опасный шаг на пути превращения соседней территории в «оперативную базу НАТО на северных границах Ирана».

Эти усилия также получают как неявное, так и прямое одобрение со стороны США и НАТО. Вашингтон и Брюссель, стремясь после войны на Украине уменьшить зависимость стран Центральной Азии и Кавказа от России, а также противодействовать растущему влиянию Китая, рассматривают проект «Тюркское НАТО» как полезный инструмент для достижения собственных геополитических целей. По мнению иранских экспертов, конечная цель Запада заключается в преобразовании Организации Тюркских Государств в новое НАТО на границах Ирана. Этот альянс, наряду с американскими базами в регионе Персидского залива и военным присутствием Израиля в Азербайджане, призван завершить всестороннее окружение Ирана. Такие маршруты, как т. н. «Зангезурский коридор» и «Маршрут Трампа» позиционируются экспертами не просто как экономические маршруты, а как «военные коридоры», необходимые для быстрой переброски сил и техники НАТО из Турции на Южный Кавказ и в Центральную Азию и обратно в случае кризиса вокруг ИРИ. Это напрямую и серьезно угрожает стратегической глубине Ирана на его северных и северо-западных границах. По мнению иранских экспертов, для реализации данного сценария США и Турция активно добиваются мирного соглашения между АзР и РА. Цель данных усилий – облегчить интеграцию этих двух

государств в орбиту влияния НАТО, создать угрозы безопасности для ИРИ, КНР и РФ, а также обеспечить силам НАТО возможность быстрого развертывания на подступах к границам этих трех стран.

Действия турецкого правительства, подрывающие безопасность Ирана, не ограничиваются рамками НАТО, но также осуществляются посредством двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и разведки. Национальная разведывательная организация Турции (MIT) тесно сотрудничает с западными разведывательными агентствами и некоторыми странами региона с целью отслеживания передвижений Ирана, а также его союзных сил и сетей. Наряду с поддержкой инфраструктуры НАТО на собственной территории, Анкара использует свои разведывательные каналы для сбора оперативных данных из глубины иранской территории, проведения диверсионных мероприятий и тайных операций против интересов Тегерана. Все эти действия превратили Турцию в соседа, проводящего деструктивный курс в отношении Ирана. В рамках своей стратегии трансрегионализма Анкара ставит продвижение интересов безопасности Запада выше принципов добрососедства и региональной стабильности.

В условиях этого внерегионального окружения в сфере безопасности политика Тегерана, основанная на модели эндогенного регионализма, опирается на оборонительное балансирование и укрепление коалиций, не входящих в НАТО. Задача этих действий состоит не в создании конкурирующего агрессивного военного блока, а в нейтрализации угроз и формировании внутреннего потенциала сдерживания. В связи с этим Иран следует двум параллельным путям. Во-первых, он делает ставку на развитие собственных оборонных возможностей, особенно в области ракетного вооружения и беспилотных летательных аппаратов. Эти технологии не зависят от какой-либо внешней коалиции или внерегиональных держав, что гарантирует независимую сдерживающую силу Ирана перед лицом угроз со стороны НАТО. Фактически оборонная доктрина Ирана, основанная на опыте стран, попавших в зависимость от НАТО, базируется на принципе *«стратегической самодостаточности»*.

Второй путь заключается в укреплении двустороннего и многостороннего сотрудничества с независимыми от НАТО державами, такими как Россия и Китай, а также в реализации внутрорегиональных инициатив в области безопасности. Иран решительно выступает против присутствия внерегиональных сил на Кавказе, в Центральной Азии и Западной Азии, стремясь к развитию таких форматов региональной безопасности, как «3+3», которые направлены именно на то, чтобы предотвратить реализацию сценария «Тюркское НАТО» и поддержать безопасность своих северных и западных границ. Подчеркивая, что региональная безопасность должна обеспечиваться силами самих государств региона, Иран предлагает *«альтернативную модель»* для архитектуры безопасности региона. В отличие от навязанного Турцией и НАТО трансрегионализма, она базируется на национальном суверенитете, взаимном уважении и коллективном сотрудничестве стран региона. Данное противостояние выходит далеко за рамки простого военного соперничества и представляет собой столкновение двух принципиально разных порядков безопасности: навязанного трансрегионального (натоцентричного, с активным турецким участием) и эндогенного регионального (опирающегося на подходы Ирана).

3-5. Интервенционистская политика в отношении азербайджаноязычного населения Ирана: формирование идентичности и подготовка почвы для внутренней дивергенции

Если проекты на Кавказе (Раздел 3-1) направлены на внешнее окружение Ирана, а религиозные (Раздел 3-2) и идентитарные (Раздел 3-3) инициативы нацелены на изменение культурной и религиозной структуры региона в ущерб Ирану, то интервенционистская политика Турции в отношении азербайджаноязычного населения Ирана должна рассматриваться как заключительная стадия и самый опасный компонент навязанного Анкарой трансрегионализма. Данный уровень стратегии напрямую угрожает территориальной целостности и национальной сплоченности Ирана. Эта политика, проводимая с особой тонкостью и сложностью турецкими разведывательными, культурными и медийными структурами, является не спорадической реакцией, а долгосрочной, систематической стратегией по созданию этнических расколов, ослаблению иранской национальной идентичности среди азербайджаноязычного населения. В конечном итоге она нацелена на создание предпосылок для изменения политической структуры ИРИ из централизованного государства в федеративную систему, основанную на этнолингвистических противоречиях. Эту политику Турции можно охарактеризовать как внутренний фронт стратегии *«геополитического удушения Ирана»* – фронт, призванный спровоцировать социальную и политическую разобщенность внутри Ирана одновременно с внешним давлением.

Именно этой стратегической целью объясняется создание Анкарой разветвленной сети влияния, а также оказание финансовой и медийной поддержки экстремистским этническим кругам внутри Ирана. Национальная разведывательная организация Турции (МІТ) и связанные с турецким правительством культурные учреждения, такие как «Турецкое агентство по сотрудничеству и координации» (ТИКА) и «Фонд Юнуса Эмре», занимаются продвижением экстремистской и дискредитирующей этнической литературы среди части азербайджаноязычного населения Ирана. Это осуществляется через создание и укрепление неправительственных организаций, групп в *Telegram* и *Instagram*, спутниковых каналов и новостных сайтов, а также посредством реализации внешне нейтральных культурных, развлекательных и образовательных программ. Некоторые турецкие СМИ, такие как телеканалы «Гюназ ТВ» и «Араз ТВ», вещающие из-за рубежа и обладающие значительным финансированием под кураторством Баку и Анкары, систематически разжигают этнические настроения, преувеличивают экономические и социальные проблемы в азербайджаноязычных регионах и продвигают ложный нарратив о *«подавлении турок в Иране»*. Создавая ядовитый *«информационный пузырь»*, эти СМИ стремятся оторвать свою аудиторию от общественной сферы Ирана и навязать ей односторонний, антииранский нарратив.

Цель этого налаживания связей – создание *«этнического гражданского общества»* и укрепление авторитета *«альтернативных элит»*, состоящих из активистов из разных стран, способных в будущем выступить в качестве авангарда различных политических, экономических требований и претензий в сфере безопасности. Данный процесс можно охарактеризовать как *«выращивание пятой колонны»*. Предоставляя стипендии,

приглашая азербайджанских студентов и гражданских активистов на учебные курсы в Турцию и оказывая финансовую поддержку якобы культурным организациям, Анкара формирует поколение азербайджаноязычной элиты, которая предпочитает турецко-туранскую идентичность иранской национальной идентичности и выступает в качестве рычага давления на центральное иранское правительство. Цель данной политики заключается не в защите культурных прав азербайджанцев (которые признаны в Конституции Ирана), а в том, чтобы политизировать этническую идентичность и превратить ее в инструмент политического и силового давления. Исторический опыт показывает, что Турция, действуя в интересах западных стран, всегда пыталась подстрекать азербайджанцев Ирана против центрального правительства. Актуализируя их требования, Анкара впоследствии игнорирует их, используя ослабление центрального правительства для навязывания Ирану своих собственных геополитических и экономических требований. Таким образом, турецкая сторона рассматривает азербайджанцев исключительно как рычаг для усиления внутренних разногласий в Иране.

Суть этой интервенционистской политики заключается в продвижении идеи *«этнического федерализма»* в качестве предполагаемого решения *«азербайджанского вопроса»* в Иране. Эта идея, которая в последние годы все чаще поднимается в пантюркистских кругах при явной или латентной поддержке Анкары, является не просто политическим предложением, а пошаговой стратегией расхождения во взглядах и ослабления Ирана изнутри. Доктрина, охватывающая все аспекты – от искусственного конструирования идентичности до изменения политической структуры Ирана, – может быть обобщена в нескольких основных направлениях, каждое из которых находится в прямом противоречии с единой и исторической структурой Ирана:

- *Территориальное деление по этнолингвистическому признаку.* Согласно этой идее, в любом регионе Ирана с компактным проживанием *«тюркоязычного»* населения (по определению пантюркистов) должны быть созданы *«независимые тюркские провинции»*. Фактически это будет означать фрагментацию Восточного Азербайджана, Западного Азербайджана, Ардебилля, Занджана и значительных частей Северного Хорасана, Хамадана, Казвина, Фарса, Исфахана, Гилана и т. д., и превращение их в автономные политические единицы со своими флагами, местным самоуправлением и особыми законами.

- *Институционализация тюркского языка в качестве государственного.* Данная инициатива подразумевает внедрение обязательного тюркского образования во всех учебных заведениях. Одновременно с этим персидский язык, служащий историческим фундаментом единства иранской нации, клеймится как *«чужеродный»* и *«инструмент деспотии»*. Стратегия направлена на отчуждение молодых азербайджанцев Ирана от их собственного классического наследия в персидской науке и литературе, в развитие которых они вносили фундаментальный вклад веками. Подмена его языком, ориентированным на Баку и Анкару, призвана разорвать внутренние связи между различными группами иранского народа.

- *Эксплуатация темы этнического притеснения и розни.* Постоянное тиражирование тезиса об *«угнетении тюркского населения в Иране»* служит инструментом радикализации, провоцируя гнев и чувство жертвенности. Параллельно проводится деструктивная *«культурная поляризация»*, нацеленная на

полное обособление азербайджанской идентичности от общеиранской. В качестве примеров иранские аналитики приводят противопоставление эпоса «Деде Коркут» поэме «Шахнаме», а также попытки представить поэтов масштаба Низами Гянджеви исключительно вне иранского культурного контекста. Это загоняет азербайджанцев в искусственную ловушку выбора: либо признать себя «*туранцами*», разрывая связи с родиной, либо быть «*предателями*», оставаясь иранцами. Подобная инженерия идентичности представляет собой целенаправленное искажение исторической памяти ради создания внутреннего раскола в государстве.

- *Разжигание фактора этнической идентичности на публичных аренах.* Данная политика затронула даже формально неполитические сферы, включая профессиональный спорт. Фиксируются попытки разжечь этническую идентичность в спортивных командах из тюркоязычных регионов, таких как «Трактор Сази» из Тебриза. Более того, предпринимаются попытки направить по аналогичному пути и другие иранские этнические группы, превращая популярные футбольные и волейбольные команды в этих регионах в инструменты для продвижения политики искусственного конструирования идентичности. Превращение этих клубов и их болельщиков из национального спортивного феномена в «*этнический символ*» и «*центр политических протестов*» координируется в Баку и Анкаре и сопровождается серьезной кампанией против центрального правительства в Тегеране. В последние годы статьи на эту тему публиковались в израильских и британских аналитических центрах и изданиях, что указывает на личности закулисных сторонников этой политики. Цель заключается в том, чтобы использовать чисто спортивные настроения для создания социальной базы для продвижения противоречивых и антинациональных идей внутри Ирана.

В основе данной интервенции лежит широкомасштабная психологическая операция, направленная на отрицание существования глубоких идентичностных, цивилизационных, религиозных и исторических связей между азербайджанцами и другими этническими группами Ирана. Пантюркистский дискурс, игнорируя множество исторических свидетельств, представляет азербайджанцев как «*народ тюркского происхождения*», чья территория «*была оккупирована персами*», а иранская и шиитская идентичность – «*навязана*». Подобная интерпретация представляется спорной, поскольку азербайджанцы ИРИ представляют собой одну из древнейших иранских этнических групп. Их первоначальный язык – древнеазарийский – относился к северо-западной ветви иранской языковой семьи, а переход к тюркскому языковому влиянию происходил постепенно на протяжении нескольких столетий. Такое историческое искажение можно назвать этнической манипуляцией посредством сфабрикованного построения нарратива – попытки стереть след Ирана среди азербайджанцев страны. Данная историческая фальсификация не только искажает прошлое, но и нацелена на будущее: если азербайджанцы будут воспринимать себя вне иранского историко-культурного пространства, это может создать предпосылки для их вовлечения в политические проекты, направленные против единства и территориальной целостности Ирана.

Примечательным аспектом данной политики является присущий ей парадокс. С одной стороны, Турция изо всех сил пытается ослабить единую структуру Ирана и продвигать этнический федерализм, однако, с другой стороны, она опасается полного

краха и распада Ирана. Анкаре выгоден ослабленный Иран, неспособный эффективно конкурировать с ней в регионе. Вместе с тем, особенно после недавних войн США и Израиля против ИРИ и прямых угроз Израиля в адрес Турции, турецкое руководство рассматривает распад Ирана как одну из своих стратегических «красных линий». Потому что распад Ирана мог бы привести к созданию независимого курдского государства на северо-западе страны, что, в свою очередь, способно подтолкнуть курдов к вооруженной борьбе и сепаратизму в самой Турции. Более того, Израиль, который исторически поддерживал распад Ирана и создание «второго Израиля» через федерализм на северо-западе Ирана, мог бы использовать этот коллапс для достижения собственных целей, а в дальнейшем стать угрозой для самой Турции. Таким образом, поддержка Анкарой федерализма рассматривается как политика балансирования на грани: создание такого уровня нестабильности, который позволял бы ослаблять Иран, но не приводил бы к его распаду и возникновению последствий, способных затронуть саму Турцию (данный вопрос подробнее рассматривается в Разделе 3-7).

В отличие от этого Иран реализует стратегию, основанную на принципах эндогенного регионализма, где фундаментом служат национальное единство и многовековой опыт совместного проживания различных народов. Главным активом Исламской Республики Иран в борьбе с внешними вызовами выступает глубокая историческая приверженность иранских азербайджанцев своей стране и нации. Историческая ретроспектива – от эпохи Сефевидов до времен «Священной обороны» и недавних актов агрессии со стороны США и Израиля – свидетельствует о том, что азербайджанская община всегда находилась в первых рядах защитников отечества. Такие личности, как Саттар-хан, Багир-хан, мученик Бакри и верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи, стали живыми символами этой преданности.

Основываясь на этой социальной базе, Тегеран осуществляет курс на гармоничное развитие, обеспечивая равные возможности политического представительства и поддерживая этнокультурное многообразие страны. Практическим проявлением этого является функционирование университетских программ на азербайджанском языке, развитие книгоиздания и прессы на национальных языках. Такая государственная линия, вопреки пантюркистской риторике, превратила азербайджанцев в ключевой и влиятельный субъект иранской государственности. Данный подход можно охарактеризовать как модель «единства в многообразии», в рамках которой этнические и языковые особенности воспринимаются не как дестабилизирующий фактор, а как ценные элементы общенациональной идентичности Ирана. Именно эта исторически сложившаяся внутренняя сплоченность выступает непреодолимым сдерживающим барьером для экспансионистских инициатив Анкары и навязываемых извне идей искусственного федерализма.

3-6. Антииранская политика Турции в Сирии и Ливане: от иллюзии ликвидации «Оси сопротивления» до попадания в ловушку Израиля

Если Южный Кавказ и Центральная Азия считаются ареной экономических, оборонных и культурных операций Турции против Ирана (Разделы 3-1–3-5), то Сирия, Ливан и Палестина должны рассматриваться как главное пространство прямого противостояния между региональным влиянием Анкары и Тегерана и «Осью

сопротивления». Сирийский кризис, начавшийся в 2011 г., был не просто гражданской войной – он быстро перерос в региональное поле битвы холодной войны, в которой Турция в полную силу заявила о себе как о противовесе влиянию Ирана и как о движущей силе плана развития «Большого Ближнего Востока». Некоторые эксперты анализируют данную политику как неявную поддержку Турцией плана США по созданию «Большого Ближнего Востока». На наш взгляд, Анкара с самого начала стремилась к свержению правительства Башара Асада не только ради устранения регионального соперника, но и в качестве стратегического шага по перерезанию важнейших артерий «Оси сопротивления» и сдерживанию Ирана в Восточном Средиземноморье. Это делалось для того, чтобы доминировать в регионе и реализовать собственные планы по созданию коридоров для транзита товаров и энергоносителей, превращаясь в единственного гаранта безопасности Западной Азии, с которым всем придется иметь дело. Однако произошедшее на этой территории не стало реализацией целей Турции, а обернулось для нее попаданием в стратегическую ловушку, столь же обширную, как весь Ближний Восток – ловушку, которая не только не ослабила Иран, но и оставила Анкару безоружной перед Израилем и застрявшей в бесконечной трясине. Теперь Турции приходится нести тяжелые издержки в сфере безопасности и экономики, связанные с усилением роли Израиля в регионе.

С самых первых месяцев сирийского кризиса Турция, оказывая всестороннюю логистическую, финансовую, оружейную и разведывательную поддержку вооруженным оппозиционным группам, выступавшим против правительства Асада, по сути, стала одним из главных игроков на поле боя. Невысказанная, но совершенно очевидная цель этой интервенции заключалась в том, чтобы уменьшить шиитское влияние Ирана и разорвать географические и оперативные связи внутри «Оси сопротивления» от Тегерана до Бейрута. На первом этапе, проведя ряд трансграничных военных операций и оккупировав значительные территории северной Сирии – от Африна до Джарабулуса и Идлиба, Анкара фактически создала безопасную зону под своим контролем. В дальнейшем, приняв непосредственное участие в свержении правительства Башара Асада, Турция преследовала две стратегические цели: во-первых, перерезать или нарушить сухопутный коридор Иран-Ирак-Сирия-Ливан, являющийся логистической основой «Оси сопротивления»; во-вторых, укрепить «Суннитский пояс» под турецким влиянием для давления на правительство Асада и сдерживания влияния Ирана и «Хезболлы». Оккупация Турцией северной Сирии и последующее установление в этой стране марионеточного правительства Джолани являются частью более широкой стратегии США и НАТО по окружению Ирана с запада и завершению кольца окружения, которое начинается на Кавказе (Раздел 3-1), продолжается до Персидского залива и в конечном итоге приводит к геополитическому удушению Ирана.

Но самым важным и одновременно трагическим аспектом политики Турции в Сирии стало ошибочное и упрощенное понимание стратегических намерений Израиля со стороны Р. Т. Эрдогана и Х. Фидана. Анализируя издержки сирийской политики Турции для «Оси сопротивления», следует отметить, что Эрдоган и его внешнеполитическая команда, питая иллюзии о способности одновременно противостоять Ирану и сдерживать Израиль, фактически оказали Тель-Авиву наибольшую стратегическую услугу. Ослабив центральное правительство Сирии, Турция способствовала дроблению страны и формированию анклавов под контролем вооруженных группировок. В итоге, приведя к

власти марионеточное правительство, состоящее из лояльных ей наемных террористов, расчистила пространство, в котором Израиль смог легко продвигаться вперед. Из-за низкого уровня стратегического понимания Анкара полагала, что сможет использовать Израиль в качестве рычага давления на Иран, не осознавая, что Израиль рассматривает и Турцию, и Иран в качестве цивилизационных и стратегических соперников в исламском мире, стремясь к одновременному ослаблению обеих региональных держав.

Результатом этой ошибочной оценки стала стратегическая катастрофа для Турции и ее союзников, выразившаяся в следующем:

- *Превращение Сирии в зону израильского влияния.* Ослабив национальный суверенитет Сирии, Турция фактически превратила эту страну в «израильскую игровую площадку». Пользуясь созданным Турцией вакуумом безопасности, израильская армия, ранее обеспокоенная влиянием Ирана и «Хезболлы» в Сирии, активизировала авиаудары и наземные операции вглубь сирийской территории, оккупировав также части южной Сирии. Данную ситуацию можно охарактеризовать как «реализацию давнего стремления Израиля оккупировать территорию от Нила до Евфрата» путем использования в своих целях ошибочной политики Турции.

- *Ослабление Ливана.* «Хезболла» в Ливане, как наиболее мощная сила «Оси сопротивления», традиционно считала Сирию своей «стратегической глубиной» и «логистическим мостом». Антисирийская и антииранская политика Турции сделала этот маршрут крайне уязвимым. По твердому убеждению иранских экспертов, «Эрдоган и Фидан фактически оставили Ливан беззащитным перед израильскими атаками». В ходе последовательных войн Израиля против Ливана деградация сирийского коридора, вызванная турецким вмешательством, существенно затруднила восстановление и материально-техническое обеспечение «Хезболлы». Это привело к смещению стратегического баланса сил на северных границах Израиля в пользу Тель-Авива, что облегчило проведение израильских авиаударов по Ливану и операций по ликвидации командиров Сопrotивления.

Однако антииранская политика Турции в Сирии нанесла вред не только Ирану и Ливану; она также загнала в стратегическую ловушку Израиля саму Анкару. Иранские эксперты отмечают, что Турция сейчас находится в состоянии прямого противостояния с Израилем на севере Сирии. Израиль, рассматривающий Турцию как амбициозного соперника в исламском мире, продвигается вглубь Сирии и одновременно поддерживает курдские группировки, что существенно ограничивает сферу влияния Анкары и даже угрожает ее военным интересам. Турция, некогда вмешавшаяся в сирийский кризис в надежде разыграть израильскую карту против Ирана, сегодня сама сталкивается с израильским экспансионизмом в Сирии. По мнению международных экспертов, эта ситуация является результатом низкого уровня понимания Р. Т. Эрдоганом и Х. Фиданом законов международной системы и истинных намерений Израиля. В итоге их политика нанесла ущерб самой Турции, и компенсировать эти потери уже слишком поздно. Турция в настоящее время сталкивается с целым рядом накопившихся кризисов в Сирии: нарастающей враждебностью арабского населения к турецкой оккупации, усилением сирийских курдов под эгидой США и Израиля, обострением проблемы сирийских беженцев внутри самой Турции и растущей международной изоляцией. Иными словами, Анкара

своими руками превратила предполагаемую *«стратегическую глубину»*, разработанную бывшим премьер-министром Ахметом Давутоглу, в *«стратегическое болото»*.

Одним из наименее изученных, но крайне важных аспектов политики Турции в Сирии является ее содействие израильским и американским авиаударам по Ирану. Контроль Турции над сирийским воздушным пространством и присутствие ее сил на фоне разрушения Израилем военной инфраструктуры Сирии, по сути, создали безопасный коридор для израильских и американских военных самолетов. Израиль, которому ранее приходилось использовать сложные и рискованные маршруты через Иорданию или Ирак для нанесения ударов по целям в глубине Сирии или вблизи границ Ирана, теперь может с большей уверенностью использовать вакуум безопасности, созданный на севере Сирии. Этот плацдарм открывает простор для дальнейшего приближения к границам Ирана. Фактически, ослабив противовоздушную оборону и суверенитет Сирии, Турция нанесла удар по оборонительному щиту Ирана на его западных границах и развязала руки Израиля для воздушных авантюр против ИРИ. Это сделало Турцию косвенным соучастником израильских и американских авиаударов по Ирану и инфраструктуре «Оси сопротивления» – ударов, которые Турция использует как инструмент для продвижения своей стратегии по геополитическому удушению Ирана. Однако из-за просчетов в своей политике Анкара де-факто утратила контроль над реализацией этой стратегии, уступив его США и Израилю.

В отличие от агрессивной и дестабилизирующей политики Турции, подход Ирана в Сирии и Ливане полностью основан на модели эндогенного (внутреннего), ориентированного на стабильность регионализма. Иранские эксперты описывают эту политику как защиту национального суверенитета и территориальной целостности региона в борьбе против терроризма и иностранного и внерегионального вмешательства. С самого начала Иран, оказывая консультативную поддержку законному правительству Башара Асада и ливанскому сопротивлению, стремился сохранить существующую политическую структуру, предотвратить крах целостности границ и авторитета центрального правительства в Сирии и Ливане, а также противодействовать сепаратистским и террористическим проектам в регионе. Стратегия Ирана направлена не на создание «шиитской империи», а на формирование блока сопротивления против внерегионального вмешательства и укрепление регионального порядка, основанного на уважении суверенитета государств. Иранские эксперты называют этот подход защитным регионализмом против агрессивного трансрегионализма и утверждают, что Иран, в отличие от Турции, которая прибегала к оккупации и искусственным геополитическим изменениям, всегда делал упор на политическое урегулирование и сохранение единства Сирии и Ливана. Это фундаментальное различие еще раз демонстрирует две противоположные модели: внутренний регионализм Ирана, стремящийся к стабилизации и сохранению региональных государств, против навязанного Турцией трансрегионализма, который посредством военной интервенции и оккупации привел регион к разделению и абсолютной нестабильности. Пытаясь ослабить Иран, Турция в итоге сама оказалась в ловушке, которую готовила для других.

3-7. Позиция Турции в войне США и Израиля с Ираном: парадокс ослабления и распада

Среди всех аспектов агрессивной трансрегиональной политики Турции в отношении Ирана ее позиция в контексте двух полномасштабных войн американо-израильской оси против Ирана является наиболее сложным, противоречивым и в то же время показательным элементом данной стратегии. В этом сценарии Турция не была второстепенным игроком, а одним из главных столпов возглавляемой США антииранской коалиции. Однако, в отличие от обычного союзника, Анкара борется со смертельно опасным стратегическим парадоксом в этой области. С одной стороны, Турция стремится серьезно ослабить Иран, чтобы устранить своего цивилизационного и регионального соперника и укрепить свою гегемонию на Кавказе и в Западной Азии. С другой стороны, она глубоко обеспокоена перспективой дезинтеграции и распада ИРИ. Это противоречие, коренящееся в этнической уязвимости и проблемах безопасности самой Турции, определяет «красную линию» Анкары, основанную не на противостоянии Ирану, а на масштабах и последствиях этого противостояния. Иными словами, турецкое руководство заинтересовано в ослабленном, но территориально целостном Иране.

В случае крупномасштабного военного конфликта между Ираном и американо-израильской осью роль Турции как логистического и разведывательного подразделения данной коалиции, по мнению ряда иранских экспертов, значительно выходила за рамки роли нейтрального соседа. Анализ позиции и действий Турции в войне США и Израиля против Ирана усилил предположения иранских экспертов о 3 основных направлениях сотрудничества Турции с агрессорами:

- *Использование турецкого воздушного пространства и некоторых военных баз.* Турция, обладающая многочисленными авиабазами, включая авиабазу Инджирлик (где базируются американские истребители и тактическое ядерное оружие), а также более восточные базы, такие как Батман и Диярбакыр, потенциально может служить основной платформой для авиаударов вглубь иранской территории. Это значительно сократит время полета ударных военных самолетов к важным целям на северо-западе, западе и даже в центре Ирана, повышая возможности совершать внезапные и последовательные атаки. Радиолокационная станция Кюреджик также считается «глазами НАТО» для отслеживания запусков иранских ракет и предоставления раннего предупреждения израильским и американским войскам.

- *Поддержка разведывательной и диверсионной деятельности.* Национальная разведывательная организация Турции (MIT), учитывая многолетнюю работу по внедрению агентов и налаживанию связей в иранских регионах с азербайджанским и курдским населением (Разделы 3-5 и 3-8), способна выступать в качестве жизненно важного источника агентурной разведки (HUMINT) для выявления целей, оценки ущерба и даже руководства диверсионными операциями внутри Ирана. Тесное сотрудничество MIT с Моссадом и ЦРУ в последние годы в вопросах сбора информации о критической инфраструктуре Ирана и создания агентурных сетей подверглось серьезной критике со стороны иранских экспертов. Турция также может внедрять

спецподразделения через свои протяженные границы с Ираном для проведения диверсий против стратегически важных объектов Ирана.

- *Извлечение выгод из ослабления энергетической и военной инфраструктуры Ирана.* Главная стратегия Турции заключается не в участии в разрушении иранской инфраструктуры, а в целенаправленном и продуманном ослаблении возможностей Ирана в региональной конкуренции. С этой точки зрения Анкара заинтересована не в полном разрушении или распаде Ирана, а в снижении его военно-политического и экономического потенциала. Турция может извлекать выгоду из ущерба, наносимого Ирану другими акторами, прежде всего США и Израилем, в случае поражения его ключевых экономических и военных артерий (например, нефтеперерабатывающих заводов, экспортных терминалов, электростанций, заводов по производству беспилотников и ракет, а также командных центров КСИР и регулярной армии). В результате такого развития событий статус Ирана снижается до уровня региональной державы второго эшелона, больше не способной конкурировать с Турцией на Кавказе, в Сирии и Ираке. Подобный сценарий считается заключительным этапом стратегии геополитического удушения Ирана, при котором после транзитного и экономического окружения (Раздел 3-9) наносится последний военный удар, чтобы парализовать Иран.

Именно здесь проявляется внутреннее противоречие в стратегии Турции. Анкара, стремясь ослабить Иран, глубоко обеспокоена перспективой его дезинтеграции и распада. Это наиболее важное стратегическое ограничение для Анкары в отношении Ирана, и можно назвать две основные причины подобной обеспокоенности:

- *Опасения относительно формирования «второго Израиля» на северо-западе Ирана.* Израиль, поддерживающий глубокие стратегические связи с АзР, давно преследует цель раздела Ирана и формирования «второго Израиля» у его северо-западных рубежей. По мнению экспертов, нестабильность, порожденная возможным военным конфликтом, экономическим кризисом и последующими протестами, станет инструментом для реализации подобного сценария. Эксперты подчеркивают, что возникновение подконтрольного Тель-Авиву «*туранско-сионистского*» образования не только пошатнет позиции Турции в тюркском мире, но и приведет к появлению нового «*стратегического противника*» непосредственно на ее восточных границах. Такое образование, опираясь на идеологию радикального пантюркизма под внешним управлением, может начать выдвигать территориальные претензии к самой Анкаре, существенно ослабляя ее влияние.

- *Риски курдской дестабилизации и угроза распада Турции.* Вторая и, пожалуй, наиболее значимая проблема заключается в «*курдском вопросе*». В аналитических материалах иранских экспертов подчеркивается, что дезинтеграция Ирана неизбежно приведет к возникновению «*курдского автономного или независимого региона*» на западе и северо-западе страны. Подобный сценарий станет мощным катализатором для восстания курдов на юго-востоке Турции, превращая иранские курдские регионы в вооруженный плацдарм для борьбы за идею «*Великого Курдистана*». В экспертных оценках отмечается, что Израиль и США исторически рассматривают курдский сепаратизм как эффективный инструмент для ослабления крупных региональных игроков.

Для турецкого руководства данный вариант развития событий рассматривается как один из наиболее серьезных вызовов национальной безопасности. В Анкаре отчетливо осознают, что Израиль и США намерены использовать *«курдскую карту»* как против Тегерана, так и против самой Турции. Израиль, последовательно поддерживающий курдский сепаратизм как инструмент ослабления региональных держав, в случае дезинтеграции иранской государственности не только воспользуется моментом для учреждения независимого Курдистана, но и превратит его в постоянный рычаг давления на территориальную целостность Турции. В этой связи Турция всерьез опасается, что *«решительная победа США и Израиля над Ираном»* в конечном итоге обернется *«собственным поражением Турции»* вследствие этнической дезинтеграции.

Таким образом, стратегическая «красная линия» Турции в войне США и Израиля против Ирана – это не принцип противостояния Ирану, а *«управление масштабами упадка Ирана»*. Эту политику можно охарактеризовать как *«ослабление до критического уровня, но не до распада государства»*. Анкара заинтересована в том, чтобы Иран оказался достаточно ослабленным и утратил способность конкурировать на Кавказе, в Сирии, Ираке и Ливане, однако при этом сохранил свою политическую структуру и территориальную целостность и не превратился в *«мозаику сепаратистских государств»*. Подобный подход – *«опасная игра на краю обрыва»*, требующая очень точной координации и контроля над ходом войны и ее последствиями. Поэтому *«...Турция не вступает в сговор с США для проведения этой агрессивной антииранской политики, поскольку понимает, что пересечение «красной линии», ведущей к распаду страны, будет иметь гораздо более разрушительные последствия для Анкары, чем для Тегерана»*. Этот парадокс можно рассматривать как *«внутреннее противоречие агрессивного трансрегионализма»*. Оно возникает вследствие того, что гегемонистская держава, задействовав деструктивные инструменты, стремится создать стабильный порядок в своих собственных интересах, не осознавая, что эти же деструктивные инструменты естественным образом подпитывают трудноуправляемую нестабильность, которая со временем затронет и ее саму.

В отличие от данной сложной и парадоксальной стратегии, Иран, опираясь на модель эндогенного регионализма и доктрину *«всеобъемлющего сдерживания»*, эффективно управляет угрозами. Оборонительная стратегия Ирана не является исключительно военной, а носит *«многоуровневый и гибридный»* характер, основанный на *«создании региональных коалиций, увеличении стратегической глубины «Оси сопротивления» и укреплении национальной сплоченности»*. Укрепляя собственные ракетные и беспилотные возможности, Иран дал понять, что любая внешняя агрессия встретит сокрушительный ответ во всем регионе, включая нападения на американские базы в странах Ближнего Востока и Израиль. Это сдерживание зиждется *«на способности Ирана наносить неприемлемый урон своим врагам»*. На внутреннем фронте, вопреки предположениям Анкары, национальная сплоченность и историческая преданность родине со стороны иранских этнических групп (особенно азербайджанцев и курдов) станут важнейшим защитным щитом от сепаратистских проектов. Эта внутренняя сплоченность и трансграничная сдерживающая сила усложняют ситуацию для Турции: любая военная авантюра против Ирана может обернуться не *«легкой победой»*, а началом *«стратегического болота»* для самой

Анкары. Это еще раз выявляет внутреннее противоречие модели навязанного трансрегионализма – модели, призванной уничтожить соперника, но, в конечном итоге, ставящей под угрозу само существование ее исполнителя и сторонника.

3-8. Сотрудничество и соперничество в курдском вопросе: инструментальная политика и дестабилизирующий парадокс

Курдская проблема в Западной Азии – одна из самых сложных и многогранных сфер взаимодействия между Ираном и Турцией; сфера, где сосуществуют *«ограниченное и тактическое сотрудничество»* и *«глубокое стратегическое соперничество»*. Эти процессы происходят одновременно и парадоксально. Данная двойственность не случайна, а является прямым отражением противостояния двух моделей: эндогенного регионализма и навязанного трансрегионализма. С одной стороны, обе страны разделяют общие интересы в противодействии расширению курдской автономии или независимости, стремясь защитить существующий геополитический статус-кво и территориальную целостность региональных государств. Но с другой стороны, Турция действует в рамках стратегии *«геополитического удушения Ирана»*. Эта стратегия, основанная на чисто инструментальном и оппортунистическом подходе, допускает использование курдского фактора против Ирана и даже активно стремится дестабилизировать курдские районы Ирана посредством поддержки оппозиционных ему курдских группировок. Такая двойственная политика, одновременно предполагающая *«борьбу с РПК»* и *«поддержку антииранских курдов»*, не только выявляет внутреннее противоречие турецкого трансрегионализма, но и подвергает регион риску *«эскалации напряженности между курдами»* и росту нестабильности.

Иран и Турция, как две региональные державы со значительным курдским населением, сходятся в одном стратегическом принципе: они решительно противодействуют любому курдскому сепаратистскому проекту и стремятся не допустить создания независимого курдского государства в регионе. Эта общая позиция, основанная на соображениях безопасности и территориальной целостности обеих стран, в некоторых случаях приводила к тактическому сотрудничеству и неявной координации. Наиболее ярким примером стало скоординированное противодействие Ирана и Турции референдуму о независимости Курдистана в Ираке в 2017 году. В то время обе страны сыграли ключевую роль в нейтрализации этого проекта: они оказывали политическое и экономическое давление, заявляли о готовности к военным действиям и координировали свои действия с центральным иракским правительством. Такое взаимодействие указывало на *«временное совпадение интересов безопасности»* между двумя странами и основывалось на идее *«защиты принципа национального суверенитета и территориальной целостности региональных государств»*, что является основополагающим принципом эндогенного регионализма Ирана. По мнению иранских экспертов, данное соглашение было *«естественным результатом общего понимания сепаратистской угрозы»*. Однако данный консенсус не должен заслонять собой глубокое соперничество между двумя странами в других аспектах курдской проблемы.

Если иранская стратегия в отношении курдского вопроса опирается на эндогенный регионализм, нацеленный на *«стабилизацию и соблюдение прав граждан в границах*

национального суверенитета», то турецкий курс характеризуется как исключительно «инструментальный, избирательный и оппортунистический». Турция, рассматривающая связанные с РПК курдские движения на собственной территории, а также в северном Ираке и Сирии как «главную угрозу своей национальной безопасности», одновременно использует другие курдские группировки в качестве «рычага давления и инструмента дестабилизации» Ирана. Некоторые иранские эксперты называют эту двойственную политику «стратегическим лицемерием Анкары» и считают, что Турция, жестоко подавляя Отряды народной самообороны (YPG) и Рабочую партию Курдистана (РКК) в Сирии, оказывает финансовую, материально-техническую и разведывательную поддержку некоторым антииранским курдским группировкам, базирующимся в районах, находящихся под турецкой оккупацией, или в прилегающих регионах Иракского Курдистана. Эти структуры, в основном состоящие из иранских курдских оппозиционных партий, действуют под «защитным зонтиком» Анкары. Пользуясь возможностью действовать более комфортно в условиях Иракского Курдистана, они ведут разведку, пропаганду, а порой осуществляют диверсионную деятельность против Ирана. Посредством такой политики Анкара фактически проводит дестабилизацию иранских курдских регионов, что полностью соответствует курсу на геополитическое ослабление Тегерана и явно противоречит ее заявлениям о сотрудничестве с ИРИ в борьбе против сепаратизма.

Подобное поведение можно проанализировать в рамках общей стратегии «окружения и геополитического удушения». Поддерживая антииранских курдов в соседних странах, Турция стремится к тому, чтобы «открыть новый внутренний фронт против Тегерана» и «перегрузить внимание Ирана вопросами безопасности на его западных границах». Цель Турции – создать «хронический кризис безопасности» в курдских провинциях Ирана, чтобы ослабить военный, разведывательный и экономический потенциал Тегерана и снизить концентрацию ИРИ на других фронтах соперничества, особенно на Кавказе и в Сирии. Фактически, турецкая поддержка антииранских курдов является «важной частью головоломки геополитического удушения Ирана», органично дополняя давление, оказываемое на него с севера (Кавказ), запада (Сирия и Ливан) и юга (Персидский залив).

Однако данная инструментальная политика Турции содержит фундаментальное и крайне опасное противоречие. По мнению иранских экспертов, «Турция, с одной стороны, всеми силами борется с курдским движением в Турции, Ираке и Сирии и считает его угрозой для своего существования, но, с другой стороны, укрепляя и вооружая антииранские курдские группировки во всех трех странах, разжигает тот же огонь, который рано или поздно сожжет ее саму». Поддерживая антииранских курдов и способствуя переходу некоторых элементов РКК в ее иранское крыло – РЖАК, Турция увеличивает военный и разведывательный опыт и возможности курдов. Этот потенциал способен легко пересекать границы и впоследствии может быть использован как самой РКК, так и другими курдскими группировками, выступающими против Турции. Ссылаясь на этническую динамику в регионе, иранские эксперты предупреждают, что «курдское движение не является монолитным явлением, однако сети его этнической и идеологической солидарности таковы, что дестабилизация

одной части курдских регионов неизбежно распространяется на другие части, и Турция не сможет удержать этот пожар в пределах границ Ирана».

Иными словами, проводя подобную политику, Анкара *«играет со спичками на пороховом складе»*. Хотя одной из главных причин противодействия Турции возможному распаду Ирана выступают именно *«опасения по поводу образования независимого Курдистана на западе Ирана»*, нынешняя политика Анкары по поддержке антииранских курдов фактически сеет семена того самого дерева, ядовитых плодов которого Турция и боится, ведь это способно вдохновить и радикализировать турецких курдов. Данное противоречие выявляет деструктивную природу навязанного Турцией трансрегионализма – модели, которая ради ослабления соперника прибегает к дестабилизирующим инструментам, последствия которых она в итоге окажется не в силах контролировать.

В отличие от этого инструментального и противоречивого турецкого подхода, политика Ирана в отношении курдов – как внутри страны, так и в регионе – основана на модели внутреннего регионализма и принципах *«стабилизации, уважении гражданских прав и противодействию иностранному вмешательству»*. Такой подход можно назвать *«кризисным управлением посредством конвергенции и участия»*. Исторически Иран рассматривал курдов не как *«угрозу безопасности»*, а как подлинную и неотъемлемую часть иранской нации. Реализуя политику сбалансированного развития, политического участия (широкое присутствие курдов в парламенте, правительстве, судебной, военной и силовой структурах) и признания культурных и языковых прав, Иран стремится к максимальной интеграции и сокращению этнических противоречий. Поэтому, в отличие от турецких проектов этнической манипуляции, иранская модель основана на историческом сосуществовании и многослойной национальной общности, в которой этническая и общегражданская идентичность не противопоставляются друг другу, а являются частью национальной идентичности.

На региональном уровне Иран также последовательно поддерживает национальный суверенитет Ирака и Сирии, выступая за обеспечение прав курдов в рамках конституций этих стран, а также против любого иностранного вмешательства и сепаратизма. Подобный курс можно охарактеризовать как *«ответственный регионализм»*, нацеленный на *«создание стабильного порядка, основанного на взаимном уважении и внутрирегиональном сотрудничестве»*, а не на *«инструментальную эксплуатацию этнических разногласий ради ослабления соперников»*. В долгосрочной перспективе такой подход более *«стабилизирующий и менее затратный»*, нежели авантюрные и нагнетающие напряженность стратегии Турции. Пока Анкара играет с курдским «огнем», Тегеран, опираясь на исторические связи и взаимное доверие, стремится нейтрализовать эту потенциальную угрозу и превратить ее в возможность для региональной конвергенции.

В конечном итоге курдская проблема выступает в роли своеобразной *«лакмусовой бумажки»*, позволяющей оценить фундаментальные различия в подходах Ирана и Турции к региональному строительству. Трансрегиональная модель, продвигаемая Турцией, воспринимает курдов сугубо инструментально – *«как средство давления»* и *«рычаг для подрыва позиций конкурента»*. В зависимости от текущих тактических задач их либо подавляют (как в случае с РКК), либо поощряют (антииранские группировки). Подобный беспринципный и прагматичный взгляд по своей природе

является «дестабилизирующим»: он провоцирует бесконечные циклы насилия, раз за разом погружая регион в состояние хаоса. В противовес этому, иранский эндогенный подход базируется на признании этнического плюрализма и нацелен на интеграцию и соучастие. Стремясь к достижению «устойчивой стабилизации» через «утверждение справедливости и укрепление основ сосуществования», Тегеран рассматривает курдский фактор не как источник угрозы, а как неотъемлемый элемент архитектуры региональной безопасности. Противоречивость турецкой политики в данном вопросе наглядно иллюстрирует риски навязанного трансрегионализма – стратегии, жертвующей общерегиональной стабильностью ради ослабления Ирана.

3-9. Энергетические хабы и транзитные проекты: экономическое окружение Ирана в рамках стратегии геополитического удушения

Если военная политика Турции (Разделы 3-4 и 3-7) направлена на окружение Ирана и ослабление его позиций, а ее идентитарно-религиозная политика (Разделы 3-2, 3-3 и 3-5) – на программный коллапс, то проекты Турции по превращению в энергетический центр и транзитные коридоры следует рассматривать как «геоэкономическое измерение» грандиозной стратегии «геополитического удушения Ирана». Это измерение, внешне облеченное в форму экономического сотрудничества и регионального развития, на самом деле осуществляет оркестровку «тотальной экономической войны» против Ирана. Ее конечная цель – не просто сократить транзитные и энергетические доходы Ирана, а «перерезать жизненно важные геоэкономические артерии» страны и превратить ее в «остров, не имеющий выхода к морю» – государство, исключенное из всех основных региональных торговых и энергетических коридоров, экономика которого неизбежно ослабевает, что ведет к его превращению в зависимое государство, лишенное потенциала региональной конкурентоспособности. Данная стратегия представляет собой «ползучую экономическую блокаду», реализация которой осуществляется в полной координации с Вашингтоном и с использованием финансовых, логистических и дипломатических рычагов Запада. Позиционируя себя как «энергетический и транспортный хаб» между Китаем, Центральной Азией, Кавказом, Ближним Востоком и Европой, Турция фактически разработала новую стратегию «коридорной архитектуры» региона, в центре которого находится Анкара, а не Иран. Тем самым завершается очередной этап стратегии окружения Ирана. Далее рассматриваются 4 основных инструмента реализации данной стратегии.

3-9-1. Так называемый «Зангезурский коридор» и «маршрут Трампа»: северный блок иранского окружения

Так называемый «Зангезурский коридор», также именуемый «Туранским коридором НАТО» и элементом проекта «Тюркское НАТО» (Раздел 3-1), представляет собой не просто геополитический и военный проект, а основу турецкой «антииранской геоэкономической архитектуры» к северу от Ирана. Цель данного коридора – создание прямого маршрута Баку–Нахиджеван–Турция с последующим его продлением на восток – к Каспийскому морю и Центральной Азии. Геоэкономическое значение этого коридора заключается в том, что он полностью обходит стороной

«исторический путь Ирана» в торговле между Востоком и Западом, который проходил по древнему Шелковому пути (Ostovar & Nazar, 2024, pp. 295-304). В связи с этим т. н. «Зангезурский коридор» считается «дополнением к поддерживаемой США системе транспортных коридоров, направленных на сдерживание Ирана». В этом контексте «Путь Трампа» или «Срединный коридор» – маршрут, начинающийся в Китае и Центральной Азии, пересекающий Каспийское море и достигающий Европы через Кавказ и Турцию, – был разработан именно с этой целью. Данный маршрут, который будет выстраиваться при активной поддержке США, исключает Иран из одного из наиболее прибыльных транзитных направлений в мире. Подобная координация была истолкована следующим образом: «синергия усилий Турции и коллективного Запада позволяет блокировать геоэкономический потенциал Ирана на его северных границах». Напротив, коридоры, ориентированные на ИРИ, такие как железнодорожный маршрут Китай–Иран–Европа (способный обеспечить более быструю и экономически выгодную доставку товаров в Европу), сталкиваются с политическими и логистическими препятствиями вследствие данного транснационального соперничества и отсутствия сотрудничества со стороны Турции.

3-9-2. Иракско–турецкий коридор («Дорога развития») и возрождение железной дороги Турция–Саудовская Аравия: западный и южный шлюзы

Одновременно с блокированием северного направления Турция реализует дополнительные проекты по окружению Ирана с запада и юго-запада. Самым важным из них является «Иракско-турецкий коридор», известный как «Дорога развития», который благодаря масштабным инвестициям со стороны Турции и ряда арабских государств соединит порт Басра на юге Ирака с турецкими портами на Средиземном море посредством железнодорожной и автомобильной инфраструктур. Доктор Ахмад Каземи рассматривает этот проект как «часть более масштабного плана геоэкономической изоляции Ирана» и утверждает, что он направлен на прямую конкуренцию с иранским портом Чабахар и его транзитными маршрутами в Ирак и Сирию. После завершения строительства этого коридора товары из Индии, Китая и Персидского залива будут доставляться морем в Басру, а затем через территорию Турции – в Европу, минуя иранскую территорию. Таким образом, данный проект также рассматривается как «экономический обход Ирана с юга».

Наряду с этим проектом в повестке дня Анкары также присутствует план возрождения исторической турецко-саудовской железной дороги, которая во времена Османской империи была частью Хиджазской железной дороги. Эта магистраль, соединяющая Турцию с Саудовской Аравией через Сирию и Иорданию, в случае завершения строительства замкнет «южное кольцо» окружения Ирана и создаст транспортный коридор, конкурирующий с маршрутом Иран–Ирак–Сирия. Данную сеть коридоров можно охарактеризовать как «антииранский экономический пояс», который подвергает Иран геоэкономическому окружению с четырех направлений – северного, западного, юго-западного и южного. Придавая особое значение возрождению этого железнодорожного маршрута, Турция активизировала свои усилия, особенно в период конфликта США с Ираном в Ормузском проливе. Показательно

также, что в турецких СМИ и заявлениях официальных лиц Турции, посвященных созданию т. н. «Зангезурского коридора», турецко-саудовская железная дорога прямо характеризуется как механизм обхода Ормузского пролива.

3-9-3. Экспорт катарского газа в Европу через Сирию: исключение Ирана из европейского энергетического баланса

Энергетика является одним из важнейших направлений геоэкономического соперничества между Ираном и Турцией. Турция, стремясь стать «европейским энергетическим хабом» и альтернативой России и Ирану, после свержения правительства Асада всерьез занялась проектом «Экспорт катарского газа в Европу через Сирию». Данный проект рассматривается как «наиболее опасная угроза энергетическому положению Ирана». Согласно плану, катарский газ (обладающий крупнейшими в мире запасами после России и Ирана) будет транспортироваться по трубопроводу через Саудовскую Аравию, Иорданию и Сирию в Турцию, а оттуда – на европейские рынки. Этот замысел рассматривается как «попытка Турции захватить геополитическое наследие Ирана в Сирии и превратить его в энергетический коридор в своих собственных интересах». В случае реализации этот трубопровод может полностью заменить иранский газ на европейском рынке, не только лишив ИРИ жизненно важного источника дохода, но и значительно снизив геополитическое влияние Тегерана. В этой связи проект рассматривается как один из ключевых факторов вмешательства Турции в сирийский конфликт и ее усилий по свержению Башара Асада, поскольку разрешение на прокладку трубопровода могла выдать только Сирия, находящаяся под турецким влиянием.

3-9-4. Отсутствие связи иранской железной дороги с турецкой сетью: скрытый механизм ослабления Ирана

Среди всех перечисленных крупных проектов, возможно, ни один не раскрывает антииранскую политику Анкары в сфере транзита столь наглядно, как «отсутствие интеграции железной дороги Ирана с национальной сетью Турции». Данная практика является «тихим, но высокоэффективным препятствием», направленным против Ирана.

Турция, соединившая свою железнодорожную сеть со всеми своими западными соседями (Болгарией и Грецией), южными соседями (Сирией и Ираком), а также с восточными соседями (Грузией и АзР) и продолжающая развивать железнодорожные связи с Нахиджеваном и Центральной Азией, по-прежнему воздерживается от соединения данной сети с национальной железной дорогой ИРИ. Это происходит несмотря на то, что Иран способен предложить гораздо более короткий, безопасный и экономически выгодный маршрут для транспортировки товаров из КНР и Центральной Азии в Европу.

Данная практика «приведена в полное соответствие с трансрегиональной политикой США по экономическому ослаблению Ирана», а ее цель заключается в том, чтобы не допустить закрепления Ирана в качестве «крупного и незаменимого транзитного маршрута» в системе международной торговли. В условиях, где коридоры являются важнейшими артериями власти, подключение к крупным сетям означает укрепление геополитического веса государства, его экономической

безопасности и расширение переговорных возможностей. В то же время Турция с ее гегемонистскими взглядами не заинтересована в том, чтобы Иран пользовался подобными преимуществами. Следовательно, данная политика является **«частью усилий Турции по монополизации контроля над региональными коридорами»**, которая при поддержке Запада маргинализирует Иран.

3-9-5. Эндогенный регионализм Ирана: коридор «Север–Юг» и экономическое сопротивление

Перед лицом масштабного геоэкономического окружения стратегия Ирана, основанная на модели эндогенного регионализма, фокусируется на *«диверсификации транзитных маршрутов»* и *«углублении сотрудничества с Востоком»*. Ряд экспертов назвал этот курс стратегией *«создания сети коридоров Оси сопротивления»*. Ключевым элементом данной концепции выступает *«Международный транспортный коридор «Север-Юг»* (МТК «Север-Юг»/ INSTC), который связывает Иран через Россию с Северной Европой, а через порты Чабахар и Бандар-Аббас – с международными водами и рынками Южной Азии и Африки.

Данный коридор, ключевыми участниками которого являются Иран, РФ и Индия, выступает прямой альтернативой и конкурентом поддерживаемых Западом маршрутов (таких как «Срединный коридор» и «Путь Трампа») и функционирует независимо от путей, находящихся под контролем Турции или Запада. Другими компонентами этой стратегии являются развитие порта Чабахар в качестве «золотых ворот» Ирана на Восток, а также инвестиции в железнодорожные направления «Восток–Запад», включая железную дорогу Хаф–Герат и маршруты выхода к Китаю через Восточный коридор.

Опираясь на свое «уникальное географическое положение» и «соседство с 15 государствами», Иран обладает потенциалом стать главным транзитным хабом региона при условии, что посредством активной дипломатии и инфраструктурных инвестиций он сможет нейтрализовать турецкие проекты окружения, реализуемые в интересах США. Это коридорное противостояние выходит далеко за рамки сугубо экономического соперничества и представляет собой битву двух геоэкономических порядков: навязываемого турецко-западного порядка, стремящегося к «монополии и окружению», против эндогенного порядка Ирана, ориентированного на *«сбалансированное взаимодействие и связанность»* со всеми соседними государствами и независимыми восточными державами. В этой битве экономическая устойчивость Ирана и его способность создавать альтернативные маршруты станут важнейшим экзаменом на его геополитическое выживание.

4. Заключение и рекомендации: по ту сторону соперничества – на пути к эндогенному и сбалансированному региональному порядку

Сравнительный анализ внешней политики Ирана и Турции на Южном Кавказе и в Западной Азии сквозь призму конструктивистского регионализма демонстрирует четкую картину двух противоположных и конфликтующих моделей регионального устройства. Эти две модели различаются не только используемым инструментарием или тактическими приоритетами, но и своими онтологическими основаниями, источниками легитимности и конечными горизонтами.

Иран рассматривает регион как *«эндогенную цивилизационную и идентичностную сферу»* – пространство, где глубокие культурные, языковые, религиозные и исторические связи создают естественные предпосылки для конвергенции и формирования блока близких по позициям государств. Этот регионализм, укорененный в *«историческом я»* и *«коллективной памяти»* народов данного геополитического ареала, опирается на *«сдерживающий, балансирующий и ориентированный на стабильность»* подход. Подобный курс направлен не на установление гегемонии, а на *«коллективное управление угрозами»*, *«сохранение национального суверенитета государств»* и *«развитие внутрорегионального сотрудничества»* на основе взаимного уважения и общих интересов. В этой парадигме безопасность является *«региональным общественным благом»*, которое должно обеспечиваться самими региональными акторами посредством укрепления доверия и сближения идентичностей, а не через союзы с интервенционистскими внерегиональными державами.

В противовес этому Турция сделала выбор в пользу модели *«навязанного и гегемонистского трансрегионализма»*. В этой схеме регион определяется не как общее цивилизационное пространство, а как *«поле для восстановления исторического престижа»* и *«консолидации турецко-суннитской гегемонии»*. Этот сконструированный регионализм, укорененный в неоосманистском и пантюркистском дискурсах и лишенный подлинной идентичностной общности с местными обществами, вынужден для своего поддержания опираться на *«стратегические альянсы с внерегиональными силами»* (США, СК и НАТО), *«использование агрессивных жестких и мягких инструментов»* и *«реализацию дестабилизирующих проектов»*. Данная модель с ее *«агрессивным, контрбалансирующим и дестабилизирующим»* подходом нацелена на *«исключение или сдерживание цивилизационных соперников»* (прежде всего Ирана), *«идентичностную и религиозную инженерию»* в свою пользу, а также на *«геополитическое и геоэкономическое окружение»* Ирана посредством принудительных и монопольных коридоров.

Детальное сравнение двух стран в 9 ключевых сферах (кавказская политика, религиозная инженерия, конструирование туранской идентичности, роль в НАТО, вмешательство в азербайджанские регионы Ирана, политика в Сирии и Ливане, позиция относительно потенциальной войны, курдский вопрос, а также транзитные и энергетические проекты) наглядно подтверждает это парадигмальное столкновение. Во всех этих областях Турция при полном или частичном согласовании с Западом осуществляет проект *«геополитического удушения Ирана»* с целью снижения регионального конкурентного потенциала Тегерана и утверждения самой себя в качестве бесспорного регионального гегемона. Однако эта агрессивная стратегия сталкивается с *«фундаментальным парадоксом»*: Турция желает видеть Иран ослабленным и маргинализированным, но при этом панически боится его дезинтеграции и коллапса. В Анкаре понимают, что такой сценарий приведет к появлению *«второго Израиля»* на северо-западе Ирана, масштабному курдскому восстанию и прямой угрозе территориальной целостности самой Турции. Это противоречие обнажает *«имманентное ограничение и хрупкость»* модели навязанного трансрегионализма – модели, которая с помощью дестабилизирующих инструментов пытается выстроить стабильный порядок, но вместо этого сеет семена неконтролируемого хаоса, способного со временем поглотить ее

саму. Кризисы, в которые Турция вовлечена в Сирии, Ираке, Ливии и Восточном Средиземноморье, служат явным тому подтверждением.

Перед лицом этого трансрегионального проекта Иран, опираясь на модель эндогенного регионализма и несмотря на колоссальное давление, сумел защитить свое существование и интересы посредством «гибридного сдерживания», «национальной консолидации» и «альтернативных восточных коалиций». Анализ этого соперничества показывает, что дилемма безопасности на Кавказе и в Западной Азии может быть разрешена не экзогенными гегемонистскими проектами, а признанием и укреплением «эндогенного, основанного на идентичности и партисипативного (соучастного) регионализма» – пути, на котором настаивает Иран. Сегодня, чтобы трансформировать эту успешную оборону в «устойчивую стратегическую инициативу», Ирану необходимо перейти к более активной, многовекторной и долгосрочной политике.

В связи с этим Ирану следует более эффективно использовать свое историческое преимущество в регионе Южного Кавказа – давние цивилизационные и идентичностные узы с государствами этого региона. Определение кавказской политики как многомерного соперничества исключительно ради обеспечения интересов Ирана, Турции, России, Израиля и США является стратегической ошибкой. Иран также обладает отчетливым превосходством благодаря своим глубоким историческим связям с народами Армении и Грузии, сыгравшими ключевую роль в региональной культуре и христианской цивилизации. В частности, династии с иранскими корнями правили в Армении, Грузии и Кавказской Албании задолго до появления тюркского элемента в регионе. Опыт исторического мирного сосуществования иранцев с этими династиями закладывает прочную основу для того, чтобы Иран играл эффективную роль на Кавказе, балансируя влияние Турции и Израиля.

Соответственно, дискуссии об «иранской культуре» должны выходить за рамки исключительно концепта «иранской шиитской культуры». Хотя последняя выступает жизненно важным компонентом, она является лишь частью более широкого культурного наследия, связанного с иранской государственностью, которая восходит к самым ранним периодам зафиксированной истории. Древняя история обеспечивает общую основу для многих иранских народов (таких как таджики, афганцы и курды), тогда как другие форматы могут искусственно акцентировать внимание на их разделении. Для сравнения: если «тюркская политика» Турции опирается на «языковую близость» для объединения различных групп поверх расовых и религиозных границ, то иранская платформа потенциально способна предложить еще более глубокие исторические и культурные связи.

На основании этого, опираясь на уроки данного исследования и учитывая мнения экспертов, предлагаются следующие стратегические рекомендации для укрепления влияния Ирана и противодействия деструктивному трансрегиональному подходу Турции в контексте его взаимодействия с Республикой Армения.

4-1. Армения: естественный и стратегический союзник Ирана для остановки агрессивной экспансии Турции

Армения, находясь в самом сердце Южного Кавказа, играет абсолютно уникальную и решающую роль «естественного и стратегического союзника Ирана» в противодействии экспансионистским проектам Турции, Азербайджана и НАТО. С

конструктивистской точки зрения Иран и Армения – это не просто два соседа, а две древние цивилизации с общим историческим опытом сосуществования и общей угрозой со стороны пантюркизма и османо-турецких устремлений к гегемонии. Дезинтеграция Армении или ее чрезмерное ослабление стали бы не только гуманитарной, но и «геополитической катастрофой» для Ирана, поскольку это означало бы завершение формирования натовского «*Туранского коридора*», полное окружение Ирана с севера и отсечение одной из ключевых транспортных артерий Тегерана, связывающих его с Кавказом и Европой. Соответственно, стратегия Ирана в отношении Армении должна быть модернизирована от формата «*негласной поддержки*» до «*всеобъемлющего и оперативного стратегического альянса*» с учетом следующих пунктов:

- *Гарантирование геополитической безопасности Армении.* Иран должен на уровне «*официальной доктрины*» объявить независимость, национальный суверенитет и территориальную целостность Армении (включая сохранение Сюникской области) своей «*красной линией*». Любая попытка насильственного изменения международных границ или создания навязанных коридоров на армянской территории посредством вмешательства внерегиональных сил должна наталкиваться на «*решительный и высокочатратный для агрессора ответ*» со стороны Ирана. Эта гарантия безопасности является краеугольным камнем любого стратегического сотрудничества.

- *Глубокое экономическое и транзитное сотрудничество.* Иран и Армения должны оперативно и со всей серьезностью развивать альтернативные транспортные коридоры, комплементарные по отношению к путям, контролируемым Турцией. Скорейшее завершение формирования коридора «*Персидский залив–Черное море*» через Иран, Армению и Грузию не только спасет Армению от географической изоляции, но и превратит ее в «*жизненно важный транзитный мост*» между Ираном и Европой, снизив зависимость Тегерана от турецких маршрутов. Создание совместной свободной экономической зоны на границе в Мегри и крупномасштабные иранские инвестиции в энергетическую, дорожную и железнодорожную инфраструктуру Армении свяжут экономики двух стран и сделают Армению устойчивой к внешнему давлению со стороны Турции и Азербайджана.

- *Военно-техническое сотрудничество.* Учитывая нарастающие военные угрозы со стороны Азербайджана (поддерживаемого Турцией и Израилем) и оснащение его армии передовым оружием НАТО, Иран и Армения нуждаются в «*совместном оборонном сотрудничестве*» для создания эффективного потенциала сдерживания. Это сотрудничество может включать совместные приграничные учения, обмен разведывательными данными о перемещениях войск противника, а также консультативно-техническую помощь для укрепления обороноспособности Армении. Подписание «*двустороннего оборонного пакта*» или проектирование «*регионального механизма безопасности*» с участием Ирана, Армении и других близких по позициям стран (в частности, Индии) способно сместить дилемму безопасности Кавказа в пользу стабильности.

- *Усиление культурно-цивилизационной конвергенции.* Иран и Армения – две древние цивилизации с общими историческими оппонентами (пантюркизм). Укрепление культурной дипломатии, совместная регистрация и сохранение культурного наследия (особенно в районах, подверженных угрозе фальсификации со стороны турецко-туранского

конструирования идентичности), а также взаимная поддержка на международных площадках для противодействия искажению подлинной истории региона позволят институционализировать этот стратегический альянс на глубинном, ценностном уровне.

Иран должен осознать, что для расширения своего сотрудничества и партнерства с Арменией и другими странами Южного Кавказа и Центральной Азии он не может замыкаться исключительно на религиозном наследии. Напротив, для вовлечения Армении в свою кавказскую стратегию Ирану необходимо использовать иные цивилизационные и идентичностные ресурсы – в области литературы, философии и других гуманитарных наук. Для более точного описания этой сложной структуры можно предложить концепт *«исторически обусловленного ираноцентризма»*.

При этом религиозный аспект сохраняет свою значимость. Помимо фундаментального иранского влияния на армянскую духовную жизнь в древности (в частности, в эпоху Григория Просветителя), современное бережное отношение к христианскому наследию и традиционные свободы, предоставляемые религиозным меньшинствам в Иране, служат убедительным примером коренных различий между иранским и турецким подходами к региональной политике.

4-2. Реализация активной коридорной дипломатии и нейтрализация геоэкономического окружения

Иран должен ответить на турецко-западное геоэкономическое окружение *«наступательной коридорной дипломатией»*.

- *Реализация проекта железной дороги Иран–Ереван*. Зависимость ИРИ от транзитной инфраструктуры Турции и Азербайджана для соединения по железной дороге с Арменией является серьезной стратегической ошибкой. Это позволяет Анкаре и Баку при необходимости блокировать доступ Ирана к Армении, оказывать давление на Тегеран и добиваться односторонних уступок. Таким образом, Ирану следует инициировать политику прямого соединения с Арменией посредством железной дороги. Ранее, в период президентства Роберта Кочаряна и Махмуда Ахмадинежада, в этом направлении были достигнуты соглашения при финансовой поддержке Китая, однако при последующих правительствах эти проекты не получили развития.

- *Немедленная реализация транспортного коридора «Север-Юг» (INSTC)*. Этот коридор должен превратиться из проекта на бумаге в оперативную реальность. Устранение логистических, таможенных и финансово-банковских барьеров с Россией, АзР (по возможности) и Индией, а также масштабные инвестиции в железнодорожные линии Решт–Астара и Чабахар–Захедан должны стать абсолютным приоритетом Ирана.

- *Развитие коридора «Восток-Запад» через иранскую территорию*. Соединение железной дороги Ирана с Афганистаном (на участке Хаф–Герат) и далее с Китаем и Центральной Азией способно создать альтернативный маршрут поддерживаемому Западом «Срединному коридору», идущему через Южный Кавказ. Однако для завершения этого маршрута иранские железнодорожные линии необходимо соединить с сетью железных дорог Ирака и, по возможности, с сетью Турции.

- *Превращение порта Чабахар в региональный хаб*. Для успешной конкуренции с ирако-турецким проектом «Путь развития» Ирану необходимо осуществить комплексную

модернизацию Чабахара. Это подразумевает его полную интеграцию в железнодорожную и автомобильную сеть страны, а также предоставление конкурентоспособных тарифов и особых преференций экономическим партнерам (Индии, Афганистану, странам Центральной Азии), что повысит коммерческую привлекательность порта.

4-3. Умное сопротивление манипуляциям с идентичностными, цивилизационными и религиозными компонентами

В ответ на турецкие проекты «братства», «ваххабизации» и так называемого «строительства туранской идентичности» (Разделы 3-2 и 3-3) необходимо предпринять следующие шаги:

- Создание «*международного научно-культурного института*» с участием ученых из Ирана, Армении, Таджикистана и других близких по духу стран иранского цивилизационного пространства для обеспечения аргументированного академического противодействия фальсификации истории и отпор попыткам присвоению великих деятелей этих стран со стороны Баку и Анкары.

- Укрепление медиадипломатии на турецком, азербайджанском и курдском языках для представления альтернативных нарративов, отражающих исторические реалии и опыт мирного сосуществования в Иране.

- Формирование «*регионального механизма религиозного диалога*» с участием независимых шиитских и суннитских богословов для нейтрализации раскольнических салафитско-ваххабитских проектов, поддерживаемых Турцией, а также для укрепления религиозной эмпатии в регионе Южного Кавказа.

4-4. Формирование внутрирегионального политического союза и оборонно-безопасностного фронта

Иран должен перехватить инициативу по созданию «*эндогенного политико-безопасностного блока*» на Кавказе и в Западной Азии следующими методами:

- *Укрепление формата «3+3».* Иран с большей долей инициативы может модернизировать эту платформу из консультативного форума в «региональную организацию по сотрудничеству и безопасности» с постоянным секретариатом, нацеленную на разрешение споров на Южном Кавказе без вмешательства внерегиональных держав.

- *Создание «оборонно-экономического пакта» с независимыми странами региона.* Инициирование формирования «блока сотрудничества и безопасности» с участием Ирана, Армении, Сирии, Ирака и других близких по позициям государств на принципах уважения суверенитета, территориальной целостности и противодействия иностранному вмешательству. Данный альянс мог бы выступить эффективным противовесом «*Тюркскому НАТО*».

- *Углубление сотрудничества с Россией и Китаем.* РФ и КНР как великие державы, неудовлетворенные однополярным порядком США и экспансионизмом НАТО, являются естественными партнерами Ирана в противодействии турецкому трансрегионализму. Стратегическая координация с Москвой и Пекином критически необходима для блокирования инициатив по созданию «*Тюркского НАТО*» и «*антииранских коридоров*».

5. Стратегическое управление курдским вопросом: преодоление турецкого парадокса

Иран может превратить турецкий парадокс инструментального использования курдов против Тегерана (Раздел 3-8) в геополитическую возможность с помощью «умной курдской дипломатии». Путем укрепления сотрудничества в сфере безопасности и разведки с правительствами Ирака и Сирии, а также углубления диалога с умеренными курдскими течениями, уважающими национальный суверенитет государств, Иран имеет возможность не использовать курдов в качестве «рычага давления на Турцию» (что противоречило бы внешнеполитическим принципам Ирана), но указать им на «общую угрозу пантюркизма и израильской экспансии», сформировав «единый фронт» акторов, пострадавших от турецко-израильских проектов. Цель состоит в том, чтобы нейтрализовать турецкий проект поддержки «антииранских курдских группировок» и превратить курдские регионы из арены угроз в оплот против сепаратизма и иностранного вмешательства.

Дилемма безопасности на Южном Кавказе и в Западной Азии является результатом столкновения двух конкурирующих представлений о региональном порядке. Навязанный и гегемонистский порядок Турции, продвигаемый посредством «фальсификации истории», «манипуляций с идентичностью», «экономического окружения» и «использования инструментов жесткой силы» в альянсе с внерегиональными державами, по своей сути хрупок, подвержен кризисам и в конечном счете саморазрушителен. Подтверждением этому является то, что Турция сегодня увязла в сирийском конфликте и собственных этнических противоречиях.

Напротив, эндогенный регионализм Ирана, основанный на «цивилизационной подлинности», «историческом сосуществовании», «уважении государственного суверенитета» и «сдерживании внешнего вмешательства», представляет собой не просто моральный выбор, но единственное «устойчивое и реалистичное решение» для обеспечения долгосрочного мира и стабильности в этом стратегически важном регионе. Укрепление оси Армения–Иран как основы противодействия пантюркизму, влиянию деструктивных внерегиональных сил и НАТО, а также проведение «активной, многосторонней и основанной на идентичности региональной дипломатии» способны сместить баланс сил в пользу эндогенного порядка. Такой подход откроет новые горизонты сотрудничества и конвергенции на Кавказе и в Западной Азии, опираясь на исторические связи, географическую взаимосвязанность и общую идентичность народов региона.

Ссылки

1. Adler, Emanuel, & Barnett, Michael. (1998). *Security Communities*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Ahmadi, Hamid. (2009). Turkey, Pan-Turkism and Central Asia. *Central Eurasia Studies Quarterly*, Year 2, No. 5.
3. Dehghani Firoozabadi, Seyyed Jalal. (1998). Neoliberal Institutionalism Theory and International Cooperation. *Foreign Policy Journal*, Year 12, No. 3.

4. Jafari, Mohammad., & Darabi, Mohammad. (2022). The Role of the Resistance Axis in Enhancing the National Security of the Islamic Republic of Iran with an Emphasis on the Defensive Doctrine of Imam Khamenei. *Islamic Social Research*, Vol. 28, No. 125.
5. Jamshidi, Mohammad. (2007). Single Power-Centric International Systems: Unipolarity, Hegemony, Empire. *Strategic Studies Quarterly*, No. 4, Serial No. 38.
6. Kazemi, Ahmad. (2010). A Look at Iran-Turkey Cultural Relations. *Personal website*.
<https://ahmadkazemi.com/?p=3743>
7. Kazemi, Ahmad. (2022). The Conspiracy to Create the “NATO Turani Corridor” with Geopolitical Consequences against Iran, Russia, and China. *Strategic Council on Foreign Relations*.
<https://scfr.ir/fa/?p=145964>
8. Masoumi, Javad. (2022). Explaining the Key Drivers of the Islamic Republic of Iran in the Caucasus Region by Horizon 2031. *Center for Political and International Studies of the Iranian Ministry of Foreign Affairs*.
<https://ipis.ir/portal/newsview/707381>
9. Naghibzadeh, Ahmad., & Khalil Tahmasebi, Nozar. (2022). A Reflection on Turkey’s Neo-Ottomanism Policy and Its Difficulties for Iran. *Central Eurasia Studies*, Vol. 15, No. 2.
10. Ostovar, Majid., & Nazar, Harmik. (2024). The Role of the Zangezur Corridor on Iran’s National Interests and Diplomatic Relations in the South Caucasus. *Diplomatic Interactions Quarterly*, Year 2, No. 6.
11. Rafie, Hossein., & Mazloumi, Esmail. (2012). Obstacles to Iran-Turkey Convergence in Central Asia and the Caucasus. *Central Eurasia Studies*, Year 5, No. 10.
12. Roushani, Reza., & Mossaedegh, Massoud. (2021). Requirements for Managing Political Borders between Iran and Turkey and Its Impact on the National Security of the Islamic Republic of Iran. *Geographical Journal of Territory*, No. 71.
13. Wendt, Alexander. (2022). *Social Theory of International Politics*. Translated by Homeira Moshirzadeh. Tehran: *Center for Political and International Studies of the Ministry of Foreign Affairs*.